

INSPIRIA

Люсинда Райли

Семь сестер

INSPIRIA

Семь сестер

Люсинда Райли

Семь сестер

«ЭКСМО»

2014

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Райли Л.

Семь сестер / Л. Райли — «Эксмо», 2014 — (Семь сестер)

ISBN 978-5-04-244318-3

Когда их загадочный приемный отец Па Солт умер, Майя и шесть ее сестер собираются вместе в доме их детства и получают ключи к тайне своего рождения. Поиски приводят Майю в Бразилию, где она постепенно собирает воедино кусочки непростой истории, повлиявшей на жизнь всех семерых. Шаг за шагом девушка узнает, что ее прошлое тесно связано с бразильской аристократией, великим скульптором и статуей Христа-Искупителя. И теперь лишь от самой Майи зависит, повторит ли она ошибки своих предков или сумеет обрести собственное счастье?

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-244318-3

© Райли Л., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Мая	9
1	9
2	15
3	20
4	26
5	34
6	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Люсинда Райли

Семь сестер

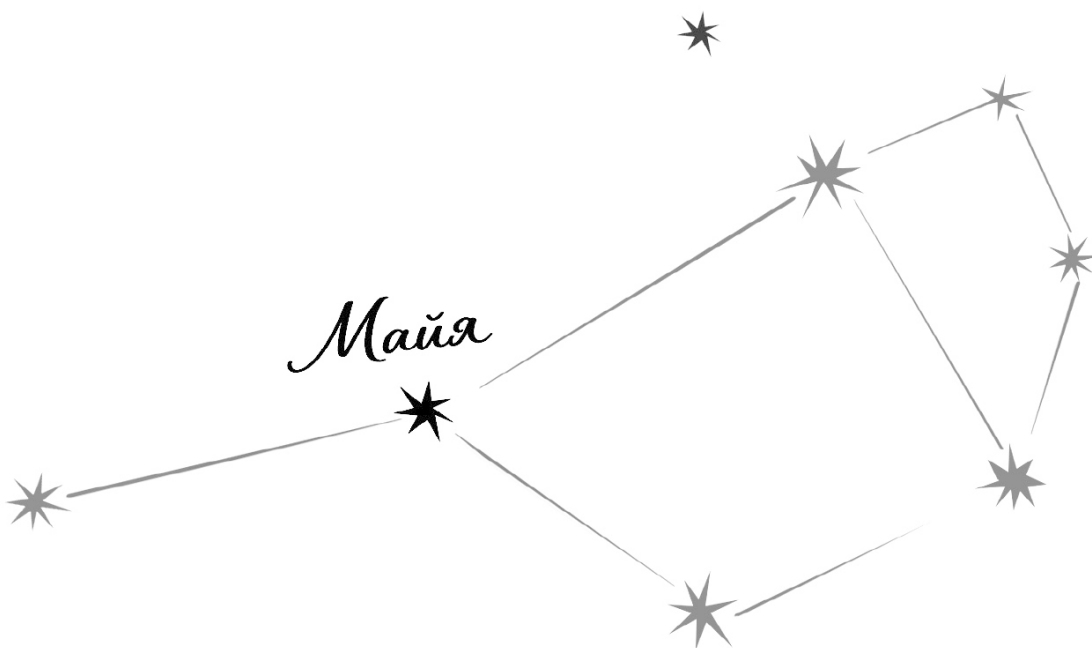
Lucinda Riley THE SEVEN SISTERS
Copyright © Lucinda Riley, 2014

© Красневская З., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

ЦИКЛ РОМАНОВ
«СЕМЬ СЕСТЕР»

Семь сестер

Сестра ветра

Сестра тени

Сестра жемчуга

Сестра луны

Сестра солнца

Потерянная сестра

История Па Солта

Люсинда Райли

Семь сестер

INSPIRIA
Москва

Посвящаю своей дочери Изabelle Роуз

Все мы барахтаемся в грязи, но иные из нас смотрят на звезды.
Оскар Уайльд

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА РОМАНА:

АТЛАНТИС

Па Солт (Папа-Соль) – *приемный отец сестер (умер)*

Марина (Ма) – *гувернантка сестер*

Клавдия – *экономка*

Георг Хофман – *нотариус Па Солта*

Кристиан – *шкипер, капитан катера*

Сестры Д'Аплиез (D'Aplière) / ПЛЕЯДЫ

(Получили свои имена в честь семи звезд, входящих в созвездие Плеяд)

Майя

Алли (Альциона)

Стар (Астеропа)

Кики (Келено)

Тигги (Тайгета)

Трики, Каприза (Электра)

Меропа (отсутствует)

Майя
Июнь 2007 года
Луна в первой четверти
13; 16; 21

1

Никогда не забуду, где находилась и чем занималась, когда мне сообщили о смерти отца. Я сидела в прекрасном саду своей давней подруги в Лондоне и ждала ее возвращения с сынишкой из детского сада. На коленях лежал роман «Пенелопа», к чтению которого я так и не приступила, предпочитая нежные ласки июньского солнышка черно-белым страницам. Мне было спокойно и хорошо. Мысль об отъезде из дома радовала как никогда.

От созерцания пышных бутонов клематиса меня оторвал неожиданный звонок телефона. Увидев на экране номер Марины, я тут же потянулась к нему.

– Привет, Ма. Как там у вас дела? – проговорила я, надеясь, что мой голос в состоянии передать ей хотя бы часть здешнего тепла.

– Майя, я...

Марина замолчала, и я тотчас же почувствовала неладное.

– В чем дело?

– Майя, мне трудно говорить тебе об этом, но вчера вечером у твоего отца случился сердечный приступ. А сегодня на рассвете он... ушел.

Я не знала, что сказать, хотя в моей голове пронеслись миллионы разных нелепых мыслей. И первая – самая глупая. В тот момент мне показалось, что Марина, по каким-то непонятным мне причинам, решила разыграть со мной такую безвкусную шутку.

– Я звоню тебе первой из семьи, Майя... Ты ведь у нас – старшая. Сама сообщишь своим сестрам? Или хочешь, чтобы это сделала я?

– Я...

Слова застряли в горле. Наконец до меня дошло, что Марина, моя дорогая, любимая Марина, заменившая мне родную маму, которую я, впрочем, и не помнила вовсе, не могла так бессердечно подшутить надо мной. И все это – *правда*. В ту минуту весь мой мир сошел с оси и рассыпался на части.

– Майя, отзовись! С тобой все в порядке? Никогда еще мне не приходилось сообщать по телефону столь ужасные вещи, но что мне оставалось делать? Господи! И как только остальные девочки воспримут эту новость?

И тут я впервые расслышала нотки отчаяния в *ее голосе*. Этот звонок был для нее не менее важен и не менее сложен, чем для меня самой. Усилием воли я заставила себя включить свой главный психологический ресурс – умение утешать других.

– Конечно, Ма, я сама перезвоню сестрам, если ты не возражаешь. Вопрос в другом. Где они сейчас? Насколько мне известно, Алли готовится к очередной регате.

Какое-то время мы с Мариной обсуждали предполагаемые места нахождения младших сестер, будто нашей целью было созвать их на день рождения, а не для того, чтобы оплакать отца. Все это придавало разговору немного сюрреалистический оттенок.

– А когда планировать сами похороны? Что думаешь? – поинтересовалась я у Марины. – Электра сейчас в Лос-Анджелесе, Алли торчит где-то на океане. Потребуется время, чтобы собрать всех. Раньше следующей недели никак не получится.

– Ну, – голос Марины зазвучал неуверенно, – лучше обсудим все, когда ты вернешься домой. Пока особой спешки нет. Более того, Майя. Если ты хочешь провести последние дни каникул в Лондоне, оставайся. Здесь ты ему уже ничем не сможешь...

Голос Марины сорвался, и она замолчала.

– Ма, что за разговоры! *Конечно же*, ближайшим рейсом я вылетаю в Женеву. Немедленно бронирую билеты, а уже потом начну обзванивать сестер.

– Мне очень жаль, *chérie*¹, – сказала Марина убитым голосом. – Я ведь знаю, как ты обожала своего отца.

– Да, – ответила я и почувствовала, как испаряется то странное спокойствие, похожее на затишье перед бурей, которое внезапно снизошло на меня, пока мы обсуждали похороны. – Я перезвоню тебе позже, – бросила я в трубку. – Когда буду точно знать, в какое время прилечу домой.

– Пожалуйста, Майя, береги себя. Ты только что пережила страшный удар.

Я молча прервала звонок и, прежде чем грозовые тучи в сердце разверзлись и потопили меня, поднялась в спальню, чтобы взять документы и купить билеты на самолет. Пока страница сайта прогружалась, я машинально взглянула на кровать. Сегодня утром я проснулась здесь, приготовившись встретить Еще Один Новый День, и только. Какое все же счастье, что люди не могут предвидеть будущее.

Наконец я смогла увидеть доступные рейсы. Меня ждали неутешительные новости – свободных мест не осталось. К тому же мне грозила серьезная денежная неустойка за возврат другого билета. Несмотря на подступающее отчаяние, мне удалось найти и оплатить последнее место на четырехчасовом рейсе до Женевы. Оставалось не так много времени на сборы и вызов такси. Я села на кровать и так долго смотрела на обои с веточками, что узор начал танцевать перед глазами.

– Ушел, – прошептала я. – Ушел навсегда. И я больше никогда его не увижу.

Я предполагала, что произнесенные слова вызовут у меня бурный поток слез, но с удивлением обнаружила, что не могу заплакать. Вместо этого я сидела в оцепенении и лихорадочно прокручивала в голове исключительно практические вопросы. Например, о том, как сообщить эту страшную новость сестрам – их же у меня пятеро. Сама мысль о предстоящих разговорах с ними ужасала. Кому же позвонить первой? Я быстро перебрала в своей эмоциональной памяти всех пятерых и остановила свой выбор на Тигги. Предпоследняя из нас. Мы с ней всегда были особенно близки.

Дрожащими пальцами я просмотрела в контактах смартфона все номера, пока не отыскала нужный. Послышался механический голос автоответчика, и я промямлила несколько слов с просьбой перезвонить как можно скорее. Сестра жила где-то в высокогорье Шотландии, работала там в питомнике по уходу за больными дикими оленями.

Что же до других сестер... Их реакция была мне известна заранее, по крайней мере внешняя ее сторона. Она колебалась бы в пределах от нарочитого безразличия до бурного проявления горя.

Чувствуя, что не готова определить собственный градус накала эмоций, не говоря уже о том, чтобы обсуждать его с окружающими, я повела себя как самая последняя трусиха: разослала всем эсэмэски с просьбой незамедлительно связаться со мной. После чего быстро побросала вещи в дорожную сумку, спустилась по узенькой лестнице на кухню и оставила там записку для Дженни, объясняющую, почему я в такой спешке покидаю ее дом.

В надежде побыстрее поймать такси я выскочила на улицу, быстрым шагом миновала изгибающийся в форме полумесяца переулок Челси, старательно делая вид, будто это самый

---

¹ Дорогая (*фр.*).

обычный день, помахала рукой, приветствуя кого-то из соседей, выгуливавшего своего пса. И даже выдавила из себя некое подобие улыбки.

Разве кто-то сможет догадаться, что только что произошло в моей жизни, размышляла я, поймав такси на загруженной Кингс-Роуд. Залезла в машину и велела шоферу гнать в Хитроу.

Нет, никто ни о чем не догадается.

Пять часов спустя, когда солнце лениво опускалось над Женевским озером, я стояла на берегу у нашей собственной понтонной переправы, откуда мне предстояло совершить последний рывок до дома.

Кристиан, капитан моторного катера, уже ждал меня на борту «Ривы». По выражению его лица было понятно, что он в курсе всего случившегося.

– Как долетели, мадемуазель Майя? – участливо поинтересовался у меня Кристиан, помогая вскарабкаться на борт. В его голубых глазах плескалось сочувствие.

– Слава богу... я уже здесь, – ответила я нарочито нейтральным тоном и уселась на мягкий кожаный диван изысканного кремового цвета, протянувшийся по всей корме. Обычно я устраивалась рядом с Кристианом на пассажирском сиденье спереди и наслаждалась беседой, пока мы мчались по спокойным водам в двадцатиминутном путешествии домой. Но сегодня мне требовалось одиночество. Кристиан включил двигатель на всю мощь. Последние всполохи уходящего солнца отражались в окнах роскошных вилл, разбросанных вдоль берегов озера. Раньше, оглядывая окрестности, я думала о том, что этот путь – проход в иной, неземной мир, оторванный от реальности.

То был мир Па Солта.

Впервые у меня защипало в глазах, когда я мысленно назвала отца его домашним прозвищем. Я придумала его, когда была еще совсем маленькой. Отец всегда любил бороздить моря и океаны, и часто, когда после долгого отсутствия он возвращался в наш дом на берегу озера, от него пахло солоноватым морским воздухом. Так и приклеилось к нему это прозвище: папа-соль, Па Солт. А потом и мои младшие сестренки стали звать его папой-солью.

Катер набирал скорость, а теплый ветерок трепал волосы. Сколько таких поездок я совершила в Атлантис, в наш дом, в тот волшебный замок, который воздвиг Па Солт. С суши он был абсолютно неприступен. Его построили в частных владениях, на узкой полоске суши, окруженной со всех сторон серповидной горной грядой, плавно сбегающей к самому берегу. Единственный способ добраться – пересечь озеро на лодке или катере. Ближайшие соседи были в нескольких десятках миль отсюда. Словом, Атлантис – это настоящее суверенное королевство, существующее отдельно от всего остального мира. И все в этом королевстве казалось волшебным... А его обитатели, и Па Солт, и мы, его дочери, жили здесь, словно в заколдованном царстве.

Каждую из сестер Па Солт удочерил еще в младенчестве. Он отыскал нас в самых разных уголках земли и привез к себе домой, в Атлантис, где мы росли под его надежной защитой и опекой. И каждая из нас, по словам отца, была уникальной, неповторимой, ни на кого не похожей... Ведь мы же были *его девочками*. Он назвал всех дочерей в честь звезд из созвездия Плеяд, которое еще известно под названием «Семь сестер». Любимое папино созвездие.

Я, Майя, самая первая звезда и самая старшая из сестер. Когда я была маленькой, отец часто брал меня в обсерваторию со стеклянным куполом, которая располагалась под самой крышей дома. Он поднимал меня большими сильными руками поближе к телескопу, давая возможность полюбоваться ночным небом.

– Вот она! Взгляни, Майя! – восклицал он, фокусируя резкость линз. – Вон та красивая сияющая звезда, в честь которой ты названа.

И мне тогда казалось, что я действительно *вижу* ее. Потом отец начинал рассказывать мне всякие легенды, связанные с происхождением наших с сестрами имен, но я едва слушала его. Я просто наслаждалась его объятиями. Ведь в эти редкие неповторимые мгновения отец всецело принадлежал мне, и только мне.

В какой-то момент я поняла, что Марина, которую я с раннего детства воспринимала как мать и даже сократила ее имя до привычного «Ма», была известной в педагогических кругах няней, которую отец нанял специально для того, чтобы она присматривала за мной в периоды его отсутствия. Конечно, Марина была для нас, всех девочек, гораздо большим, чем просто няня или гувернантка. Она утирала детские слезы, учила манерам, ласковой, но твердой рукой вела нас через все сложные этапы превращения из девочки в девушку.

Она всегда была рядом, и, честное слово, я не смогла бы любить ее сильнее, если бы она и в самом деле была моей родной мамой.

Первые три года детства мы с Мариной прожили в полном одиночестве в нашем волшебном замке на берегу Женевского озера, пока Па Солт бороздил моря и океаны, занимаясь бизнесом. А потом потихоньку, одна за другой, в доме стали появляться младшие сестры.

Отец всегда возвращался домой с подарком для меня. Стоило мне только заслышать рев мотора нашего катера, и я тут же мчалась по широкому газону и сквозь деревья к пристани, чтобы встретить его. Как всякому ребенку, мне не терпелось поскорее увидеть, что он прятал в волшебных карманах, какой сюрприз приготовил мне на этот раз. Однажды он подарил искусно вырезанного деревянного оленя. По его словам, над этой поделкой трудился сам Санта-Клаус на Северном полюсе. Но тут из-за его спины выдвинулась женщина в сестринском одеянии. В руках она держала сверток, завернутый в теплую шаль. В свертке что-то шевелилось.

– На сей раз, Майя, у меня приготовлен особенный подарок, – улыбнулся отец, беря меня на руки. – Я привез тебе маленькую сестричку. Ты больше никогда не будешь одинока.

И вся наша жизнь изменилась. Медсестра, которую отец привез с собой, через несколько недель уехала, и все заботы о малышке взяла на себя Марина. Я же с трудом представляла себе, как это красное, вечно хныкающее создание, от которого порой неприятно пахло и которое постоянно требовало внимания к себе, как это существо можно называть подарком. Но в одно прекрасное утро Альциона – малышку назвали в честь второй по значимости звезды из Плеяд – вдруг улыбнулась мне за завтраком, сидя на своем высоком стуле.

– Она меня узнает! – воскликнула я удивленно, обращаясь к Марине, которая как раз занималась кормлением девочки.

– Конечно, узнает, Майя! А как же иначе, моя дорогая? Ты же ее старшая сестричка. Ты всегда будешь для нее примером. Ведь именно ты будешь обучать ее всему, что знаешь сама и чего она пока не знает.

И действительно, по мере взросления Альциона превратилась в мою тень. Везде следовала за мной буквально по пятам, что в равной степени и забавляло, и раздражало.

– Майя! Подожди меня! – громко кричала она требовательным голосом и быстро семенила ножками у меня за спиной.

Несмотря на то что Алли – это я так назвала сестренку – поначалу показалась мне совершенно ненужным элементом в нашем волшебном замке, со временем до меня дошло: о лучшей подруге для игр, такой милой и такой ласковой, и мечтать не приходится. Не припомню, чтобы Алли когда-нибудь плакала или капризничала, как это обычно свойственно малышам ее

возраста. Вьющиеся кольца золотисто-рыжих волос, огромные голубые глаза. Алли в избытке обладала тем естественным очарованием, которое притягивало к ней всех без исключения. Попал под этот шарм и наш отец. Однажды он вернулся домой после долгого отсутствия и его глаза при виде малышки засияли так, как никогда не сияли при виде меня. Я вообще росла стеснительной девочкой, сторонилась незнакомых людей. А вот Алли, напротив, была удивительно доверчива и открыта, и эти качества притягивали окружающих.

Более того, она всегда была из тех, кому легко дается любое начинание. Особенно заметные успехи она делала в музыке, а также во всех водных видах спорта. Помню, как отец обучал нас плаванию в нашем огромном бассейне. Я отчаянно боролась с тем, чтобы не уйти под воду и кое-как удержаться на плаву, а моя младшая сестренка мгновенно почувствовала себя в воде словно маленькая русалка. А я к тому же еще и качку не могла переносить. Стоило мне только ступить на борт судна, и меня тут же одолевала морская болезнь. Это случалось даже на огромной, ослепительно красивой папиной яхте под названием «Титан». Когда отец бывал дома, Алли буквально умоляла его покатавать нас по озеру на своем гоночном швертботе «Лазер», который всегда был пришвартован на нашей частной пристани. Пока я старалась держаться как можно ближе к неровному дну лодки, отец и Алли лихо управлялись с парусом, контролируя скорость движения, с которой яхта мчалась по зеркальной поверхности озера. Обоюдная страсть к парусному спорту сближала их. Мне такая близость с отцом и не снилась.

Хотя Алли получила музыкальное образование в Женевской консерватории, где зарекомендовала себя как очень талантливая и перспективная флейтистка, способная успешно выступать вместе с каким-нибудь профессиональным оркестром, после выпуска она, тем не менее, предпочла заняться именно парусным спортом, и теперь регулярно участвовала во всевозможных регатах, представляя Швейцарию на некоторых международных соревнованиях.

Когда Алли исполнилось три годика, папа привез домой очередную сестренку, которую назвал Астеропой в честь третьей звезды Плеяд.

– Но звать мы ее станем Стар, Звездочка, – сказал отец, широко улыбаясь и обращаясь к нам троим, Марине, Алли и мне, пока мы разглядывали пополнение в нашем семействе, лежавшее в люльке.

К тому моменту я уже была почти взрослой девочкой, даже занималась дома с частным преподавателем, а потому появление новой сестры не произвело на меня такого ошеломляющего впечатления, как это в свое время случилось с Алли. А затем, спустя всего лишь полгода, в нашем доме появился еще один младенец. Трехмесячную малышку назвали Келено, но Алли тут же переделала ее имя в Кики. Разница в возрасте между Стар и Кики составляла всего лишь три месяца, а потому неудивительно, что они с пеленок были неразлучны. Как настоящие близнецы, они разговаривали между собой на своем особом детском языке, понятном только им двоим. И даже теперь, когда им стукнуло двадцать, ничего не изменилось. Кики, девочка плотного телосложения, с кожей цвета темного ореха – полный контраст с бледнолицей и тоненькой, как тростиночка, Стар – всегда была главной в их компании, хоть она и младше.

На следующий год в доме появилась очередная малышка – Тайгета. Я же стала звать ее просто Тигги, частично потому, что ее короткие темные волосики торчали в разные стороны, словно у ежика из известной сказки Беатрис Поттер.

На тот момент, когда нам привезли Тигги, мне уже исполнилось семь лет, и с самого начала я привязалась к ней. Она была самой слабенькой из всех нас и переболела всеми возможными детскими болезнями, которые обрушивались на нее одна за другой, но все испытания малышка сносила стойко и никогда ничего не требовала. Спустя несколько месяцев Па привез домой еще одну крошку, которую звали Электра. Марина, измученная и уставшая от такого количества дел, часто просила меня посидеть с Тигги, пока та преодолевала очередную простуду или воспаление легких. В конце концов врачи диагностировали у нее астму, после

чего ее лишь изредка вывозили в коляске на прогулку, чтобы – не дай бог! – густые женеvские туманы и морозный воздух не вызвали у малышки новых осложнений.

Итак, Электра стала самой младшей моей сестрой. К тому времени я уже привыкла к младенцам с их капризами, но Электра, без сомнения, была самой непредсказуемой из всех детей Па Солта. Живая, подвижная, как *ртуть*. Одно слово, Электра. Ее врожденная способность мгновенно переключаться с гнева на радость забрала у нас последние минуты покоя в доме. Каждый день с утра и до позднего вечера постоянно слышался ее громкий плач, то и дело переходящий в истошный визг. Вспышки гнева малышки всегда сопровождались громким плачем, который до сих пор стоит у меня в ушах. С возрастом Электра не менялась, и ее пылкий нрав ничуть не смягчился.

У нас троих – Алли, Тигги и меня – имелась для нее специальная кличка: Трики, или Каприза. Мы все ходили на цыпочках вокруг нее, только бы у сестрички снова не случился резкий перепад настроения. И, если честно, бывали минуты, когда я буквально ненавидела ее за тот раздрай, который она учинила уже одним своим появлением в Атлантисе.

Но вот что интересно. Стоило только Электре узнать, что у кого-то из нас, сестер, случилась неприятность, и она тут же первой мчалась на помощь, с готовностью подставляя плечо. Ее эгоизм легко компенсировался невероятной щедростью.

Итак, с появлением Электры все домочадцы затаились в ожидании седьмой сестры. Ведь мы шестеро получили свои имена в честь любимого созвездия папы – созвездия Плеяд. А его, как известно, зовут еще Семь Сестер. Словом, до полного комплекта не хватало еще одной сестры. Мы даже заранее знали, как ее назовут. Меропа, оставалось лишь гадать, когда она появится. Но прошел год, потом еще один и еще, а младенцы в нашем доме больше не появлялись.

Хорошо помню, как однажды я вместе с отцом стояла возле телескопа в обсерватории. Мне уже исполнилось четырнадцать лет, наступала пора пробуждения во мне юной женщины. Мы с папой приготовились наблюдать затмение, которое, по его словам, было судьбоносным моментом для человечества и несло за собой неизбежные перемены.

– Папа, – вдруг неожиданно для самой себя обратилась я к отцу. – А ты привезешь когда-нибудь домой седьмую сестру?

На какое-то мгновение мне показалось, что мощная, сильная фигура отца застыла на месте. У него был такой вид, будто на его плечи вдруг обрушилась вся тяжесть мира. Он не повернулся ко мне, а продолжал возиться с телескопом, настраивая его на оптимальную резкость, но инстинктивно я поняла, что мой вопрос очень сильно расстроил его.

– Нет, Майя, я не привезу седьмую девочку. Никогда. Потому что я так и не нашел ее.

Впереди показались знакомые заросли густых елей, закрывающих наш дом от любопытных глаз со стороны озера. Я разглядела фигуру Марины, застывшую в ожидании на пирсе. И тут до меня постепенно стала доходить вся ужасная правда случившегося.

Отца больше нет.

Нет больше того человека, который сотворил для своих принцесс волшебное королевство, и некому больше поддерживать чары.

2

Едва я ступила на пирс, как Марина тут же крепко обняла меня за плечи. Не говоря ни слова, мы побрели в сторону дома, петляя между деревьев по широкой, сбегающей вниз лужайке. В июне наш дом находился на пике своей красоты. Роскошные благоухающие сады так и манили обитателей исследовать потаенные тропинки и спрятанные от посторонних глаз гроты.

Сам дом был построен в конце восемнадцатого века в стиле Людовика XV; он и сегодня поражает своим элегантным великолепием. Четырехэтажный дворец со стенами, окрашенными в водостойкую краску бледно-розового цвета, высокие решетчатые окна, островерхая крыша из красной черепицы, увенчанная башенками по всем четырем углам. И внутреннее убранство дома соответствующее. Современная роскошь в ее самом рафинированном виде: на полу повсюду толстые ковры, почти в каждой комнате мягкие, объемные диваны. Словом, все располагает к комфортному и удобному обитанию в этих стенах. Мы, девочки, занимали спальни на верхнем этаже, откуда открывался просто потрясающий вид на озеро, не затененный кронами деревьев, растущих внизу. Апартаменты Марины располагались на одном этаже с нами.

Одного взгляда на нее было достаточно, чтобы увидеть следы глубокой усталости. Добрые темно-карие глаза затуманены, под ними залегли тени, губы плотно сжаты, ни намек на привычную теплую улыбку. Марине было уже за шестьдесят, но она выглядела гораздо моложе. Высокая, с точеными чертами лица и орлиным взором, собранная и элегантная, она, безусловно, всегда была красивой женщиной. А безупречный вкус и умение одеваться немедленно выдавали в ней французские корни. Когда я была маленькой, Марина носила густые темные волосы распущенными, но сейчас она собирала шелковистые пряди в объемный узел на затылке.

В голове у меня крутилось множество вопросов, но один из них следовало задать незамедлительно.

– Почему ты не позвонила мне сразу же, как только у папы случился сердечный приступ? – спросила я, входя в дом. Мы прошли в гостиную с высокими потолками, выходящую окнами на каменную террасу по периметру которой выстроились вазы с ярко-красными и золотистыми настурциями.

– Поверь мне, Майя, я хотела позвонить, умоляла его позволить мне сообщить тебе и остальным девочкам, но он очень расстроился, узнав о моем намерении. И я вынуждена была подчиниться его желанию.

Марина не посмела послушаться отца, а он попросту запретил ей связываться с нами. Ведь он был королем здесь, а Марина – всего лишь доверенным придворным или даже простой служанкой, отзывающейся на любой приказ.

– А где он сейчас? – задала я следующий вопрос. – У себя в спальне? Можно мне зайти и взглянуть на него?

– Нет, милая. Его там нет. Что скажешь насчет чашечки чая? А я тем временем расскажу тебе и все остальное.

– Если честно, то лучше крепкий джин с тоником, – ответила я, тяжело опускаясь на один из огромных диванов.

– Сейчас попрошу Клавдию приготовить. Пожалуй, по такому случаю я и сама не откажусь.

Я молча проследила за тем, как Марина скрылась за дверью гостиной, отправившись на поиски нашей домоправительницы Клавдии, которая жила в этом доме столько же лет, сколько и Марина. Клавдия была немкой, внешне не очень приветливой, но за суровой наружностью

скрывалось золотое сердце. Как и все мы, она обожала своего хозяина. Внезапно я подумала о том, что ждет ее и Марину теперь, когда не стало отца. Да и какое будущее уготовано всему дому Атлантис после смерти владельца. Папа ушел...

Эти слова, казалось, были лишены всякого смысла в контексте смерти. Отец всю жизнь только то и делал, что уходил. Подолгу отсутствовал, странствовал, занимался делами, хотя никто из членов семьи или прислуги и понятия не имел, чем именно он зарабатывает на жизнь. Однажды я спросила у него об этом напрямую. Во время летних каникул ко мне приехала погостить школьная подруга Дженни. Она была поражена богатством и роскошью, которые нас окружали.

– Твой отец, должно быть, сказочно богат, – прошептала она, когда мы спускались по трапу частного самолета, приземлившегося в аэропорту Ла-Моль рядом с Сен-Тропе. Шофер ждал на взлетно-посадочной полосе, чтобы отвезти нас в гавань, где была пришвартована отцовская роскошная яхта «Титан», огромное судно аж с десятью каютами. На ней мы планировали отправиться в ежегодный круиз по Средиземному морю с заходом в те порты и города, которые папа выбирал по собственному усмотрению.

Как известно, в детстве не сильно задумываешься над тем, растешь ты в богатстве или бедности. Я не знала другой жизни. Когда мы с сестрами были маленькими, учителя приезжали к нам домой. Мое домашнее обучение завершилось, когда мне исполнилось тринадцать. После чего меня отправили в закрытую частную школу. Там я впервые осознала, как сильно отличается наша жизнь в Атлантисе от жизни большинства других людей.

Когда я спросила отца напрямую, чем конкретно он занимается, чтобы содержать всю нашу семью в такой сказочной роскоши, он лишь глянул на меня с таинственным видом и весело усмехнулся.

– Я своего рода волшебник, – был его ответ.

Эти слова не смогли приоткрыть для меня завесу тайны.

Став постарше, я поняла, что Па Солт – великий фокусник. Он умел переворачивать все вещи на свете так, что они казались чем-то иным.

Когда Марина вернулась в гостиную, неся на подносе два джина с тоником, мне пришло в голову, что после тридцати трех лет жизни я не имею ни малейшего представления о том, кем был мой отец в мире за пределами Атлантиса. И я задалась вопросом, смогу ли теперь раскрыть его тайны.

– Ну, вот и все! – промолвила Марина, поставив передо мной напиток. – Светлая память твоему отцу. – Она приподняла стакан. – Упокой, Господи, душу его.

– Да, за Па Солта. Пусть покоится с миром.

Марина сделала большой глоток и поставила стакан на столик, а затем взяла мои руки в свои.

– Майя, прежде чем приступить к обсуждению всех наших дел, мне нужно кое-что сообщить тебе.

– О чем ты хочешь поговорить? – поинтересовалась я, взглянув на усталое лицо Марины. От напряжения весь лоб у нее собрался в морщины.

– Ты спросила меня, дома ли еще тело твоего отца. Так вот. Его уже похоронили. Такова была его последняя воля: организовать погребение сразу же после смерти и чтобы никто из вас, девочек, не присутствовал при этом.

Я уставилась на Марину, словно она была пришельцем.

– Ма! Но ведь ты же сообщила мне о смерти папы всего лишь несколько часов тому назад. Сказала, что он умер рано утром, на рассвете... Как можно было организовать похороны за столь короткий промежуток времени? *И зачем это надо было делать?*

– Майя, твой отец был непреклонен. Он распорядился, чтобы сразу же после его кончины тело доставили самолетом на яхту. На борту яхты его поместили в свинцовый гроб, который,

как я думаю, хранился на «Титане» уже много лет. Ждал, так сказать, своего часа. После чего яхта должна была выйти в открытое море. Не приходится удивляться тому, что твой отец захотел упокоиться на дне океана, ведь он так обожал морскую стихию. А своим дочерям он не захотел доставлять излишних огорчений... Решил оградить их от похоронных мероприятий и не делать свидетелями этой скорбной церемонии.

– О боже! – едва слышно воскликнула я. От слов Марины я содрогнулась. – Неужели он не понимал, что все мы захотели бы проститься с ним как положено? Как он мог так поступить? И что я скажу сестрам? Я...

– Chérie! Мы с тобой дольше всех живем в этом доме и обе прекрасно знаем: когда речь идет о твоём отце, не может быть никаких «почему» и «зачем», – тихо обронила Марина. – Полагаю, он захотел уйти в мир иной так же, как и жил: в уединении.

– Да, жил незаметно, но все и всегда держал под контролем! – добавила я, чувствуя, как во мне вспыхивает злость. – Порой мне кажется, что он вообще никому не доверял, даже тем, кто его любил и был готов ради него на все.

– Какими бы мотивами он ни руководствовался, – возразила Марина, – думаю, со временем вы будете помнить лишь одно – каким любящим и нежным отцом он был. Могу утверждать наверняка: вы, дочери, были смыслом всей его жизни.

– Но кто из нас действительно знал его? – воскликнула я запальчиво, чувствуя, как на глаза навернулись слезы. – Врач засвидетельствовал его кончину? Где-то должно быть свидетельство о смерти. Можно мне взглянуть на него?

– Доктор поинтересовался у меня некоторыми биографическими данными. Место и год рождения, к примеру. Но я сказала, что ничего не могу утверждать с точностью. Я ведь здесь живу на правах обслуживающего персонала. А потому я связала его с Георгом Хофманом, семейным нотариусом, который вел дела твоего отца на протяжении многих лет.

– Да, но *почему*, Ма, отец всегда был таким скрытным? Сегодня, пока я летела сюда, я подумала, что не припомню, чтобы он когда-нибудь приглашал сюда, в Атлантик, своих друзей. Изредка, когда мы плавали на яхте, на борт поднимались какие-то люди, скорее всего, партнеры по бизнесу, спешившие на деловую встречу с ним. Они тут же уединялись в его кабинете, а потом сразу исчезали.

– Твой отец хотел отделить частную жизнь от бизнеса, чтобы дома, в кругу семьи, он мог всецело концентрироваться только на своих девочках.

– Которых он собрал со всего света, а потом удочерил. Но зачем, Ма? Почему?

Марина лишь молча посмотрела на меня. В спокойном взгляде ее умных глаз я так и не смогла найти подсказок. Знала ли она ответы?

– Я хочу сказать вот что, – продолжила я. – Когда я была маленькой, то воспринимала окружающую жизнь как нечто вполне нормальное и естественное. Но мы-то с тобой понимаем, что это крайне необычно – если не сказать странно – для одинокого мужчины средних лет усыновить шестерых девочек и привезти сюда, в Швейцарию, чтобы растить их тут под одной крышей.

– Твой отец *был* весьма необычным человеком, это правда, – согласилась со мной Марина. – Но что плохого в том, что он взял бедных сироток и попытался дать им шанс на лучшую жизнь? – уклончиво ответила она. – Многие богатые люди, не имеющие своих детей, усыновляют приемных.

– Да, но обычно на такое решаются супружеские пары, – прямо заявила я. – Ма, ты в курсе, была ли у нашего отца женщина? Любил ли он вообще кого-нибудь? Я знаю его тридцать три года, но ни разу – ни единого разу! – я не видела его в обществе женщин.

– Шери, я прекрасно понимаю тебя. Отца больше нет, и вдруг до тебя доходит, что столько незадачных вопросов навсегда останутся без ответа. Увы! Но я тоже ничем не смогу помочь тебе. Кроме того, согласишься, это не самый подходящий момент, – осторожно добавила

Марина. – Сейчас мы должны просто почтить память этого человека, вспомнить, сколь многим обязана ему каждая из нас, и сохранить его образ в своем сердце таким, каким мы знали его в стенах Атлантиды: добрым, любящим и заботливым человеком. И потом, не забывай, твоему отцу было уже далеко за восемьдесят. Он прожил долгую и насыщенную жизнь.

– Какие-то три недели тому назад он гонял на своем «Лазере» по озеру и так лихо управлял парусом, словно ему нет и сорока, – возразила я, припоминая недавний эпизод. – Тогда он совсем не был похож на умирающего старика.

– Все так! И слава богу, что твой отец не повторил печальный опыт многих своих сверстников, которые умирали долго и мучительно. Замечательно, что вы и ваши сестры будете помнить его таким: здоровым, полным жизни, счастливым. Уверена, именно таким он и хотел остаться в вашей памяти, – утешающим тоном подбадривала Марина.

– Он ведь не страдал в конце, правда? – напряженно поинтересовалась я, хотя в глубине души прекрасно понимала: даже если отец и мучился перед смертью, Марина никогда не скажет мне об этом.

– Нет. Он понимал, что умирает, и был готов к этому. Думаю, Майя, он умер в мире и согласии с Господом. Мне даже кажется, что он был счастлив отойти в мир иной.

– Как же мне сказать сестрам, что отец умер? – воскликнула я с мольбой в голосе, обращаясь к Марине. – Что они даже не увидят его тела? Не смогут присутствовать при погребении... Они отреагируют не лучше меня на новость о том, что наш отец просто взял и растворился в воздухе.

– Перед смертью он подумал и об этом. Георг Хофман, его нотариус, сегодня днем звонил мне. Он заверил меня, что у всех сестер будет шанс сказать своему отцу последнее «прощай».

– Даже после смерти папа продолжает держать все под контролем. – Я сокрушенно вздохнула. – Я разослала сообщения всем сестрам, но пока никто из них не вышел на связь со мною.

– Георг Хофман прибудет сюда, как только все сестры соберутся в доме. Но, Майя, пожалуйста, прошу тебя! Никаких дополнительных вопросов. Я понятия не имею, о чем именно он собирается сообщить. А сейчас пойду, попрошу Клавдию, чтобы она приготовила тебе горячего супа. Я сомневаюсь, что ты хоть что-то сегодня ела. Останешься в доме на ночь? Или отправишься к себе, в Павильон?

– Суп поем здесь, а ночевать пойду к себе, если ты не возражаешь. Хочется побыть одной.

– Конечно-конечно, какие разговоры! – Марина подалась ко мне и обняла за плечи. – Я понимаю, какой это ужасный удар для тебя. И мне очень жаль, что снова весь груз ответственности за сестер ложится на твои плечи. Но твой отец попросил, чтобы именно тебе я сообщила первой. Не знаю, но, быть может, хоть это послужит тебе некоторым утешением. А сейчас пойду к Клавдии и напомним ей о супе. Думаю, мы обе заслужили право на небольшой перекус.

После ужина я посоветовала Марине немедленно отправляться спать, поцеловала ее на прощание, пожелав доброй ночи. Она была ужасно вымотана. Прежде чем уйти к себе, я поднялась по лестнице на четвертый этаж и заглянула по очереди в каждую из сестринских комнат. Все осталось прежним, таким, как было до отъезда обитательниц за стены Атлантиды. И по-прежнему каждая комната несла на себе отпечаток индивидуальности своей хозяйки. Даже когда сестры время от времени заглядывали сюда, в отцовский дом на берегу озера, собираясь вместе, ни у кого из них не возникало ни малейшего желания что-то поменять в интерьере своей комнаты. Так было и со мной.

Я открыла дверь в свою старую комнату и подошла к полке, где хранились мои самые драгоценные детские сокровища. Сняла с полки фарфоровую куклу, которую папа подарил мне, когда я была совсем маленькой. Как всегда, он сопровождал подарок увлекательной сказкой. Якобы когда-то, давным-давно, кукла принадлежала одной маленькой русской графине. Но девочка выросла и забыла про куклу, а той было очень одиноко и холодно в заснеженном

московском дворце. Папа даже сообщил мне имя куклы – Леонора – и добавил, что все, что ей нужно, это пара любящих рук новой хозяйки.

Я вернула куклу на прежнее место и взяла коробочку, в которой лежал папин подарок по случаю моего шестнадцатилетия. Открыла коробку и извлекла из нее кулон на золотой цепочке.

– Это лунный камень, Майя, – помнится, сказал мне отец, когда я рассматривала украшение, отливающее необычным матовым блеском. Но стоило упасть лучу света на камень, и тут же в самой его глубине вдруг вспыхивали голубоватые искорки. Камень был в оправе из крохотных бриллиантов.

– Этому украшению очень много лет, гораздо больше, чем мне самому, – признался отец. – С ним связана одна весьма интересная история. – Он замолчал, словно прикидывая, продолжить свой рассказ или нет. – Может быть, в один прекрасный день я расскажу тебе ее. Думаю, пока это украшение слишком взрослое для тебя, но когда ты подрастешь, оно будет подходить идеально.

Отец оказался совершенно прав. В свои шестнадцать лет я, как и большинство моих школьных подружек, предпочитала увешивать себя с ног до головы дешевыми серебряными безделушками, а на шее у меня болталась кожаная тесемка с массивным крестом. Я ни разу не примерила папин подарок. Так он и провалялся в коробочке все эти годы, забытый на пыльной полке.

Теперь же мне не терпелось примерить его.

Я подошла к зеркалу и застегнула на шее миниатюрный замочек на изящной золотой цепочке, потом принялась внимательно разглядывать сам кулон. Возможно, у меня разыгралось воображение, но мне казалось, что лунный камень буквально светился на моей коже. Я непроизвольно прикоснулась к нему пальцами и, подойдя к окну, бросила взгляд на Женевское озеро, мерцающее под звездным небом.

– Покойся с миром, мой дорогой Па Солт, – едва слышно прошептала я.

И, пока воспоминания детства не нахлынули на меня с новой силой, поспешила побыстрее покинуть комнату и общий дом. Я прошла по узенькой тропинке к своему отдельному жилищу, где я обитала, став взрослой. Совсем рядом, всего лишь в паре сотен метров от Атлантиды.

Входные двери в мой дом под названием Павильон никогда не запирались. Учитывая высокотехнологичную систему безопасности, действовавшую по периметру всей территории острова, вероятность того, что кто-то украдет мои скромные пожитки, была мала.

Переступив порог дома, я заметила предусмотрительно включенный к моему приходу свет. Я тяжело опустилась на диван, чувствуя, что очередная волна отчаяния накрывает меня с головой.

Я была той сестрой, которая не смогла покинуть родной дом.

3

В два часа ночи зазвонил мой мобильник. Я не спала. Просто лежала на кровати, тупо размышляя о том, почему я никак не могу разразиться слезами, чтобы оплакать смерть отца как положено. У меня скрутило желудок, когда я увидела, что на дисплее высветился номер Тигги.

– Алло? – проговорила я в трубку.

– Майя, прости, что звоню так поздно, но я только что прослушала твое сообщение. У нас ведь там, в горах, очень слабый сигнал и связь практически отсутствует. По твоему голосу я поняла, что случилось что-то серьезное. С тобой все в порядке?

Голосок Тигги, такой ласковый, такой нежный и родной, начал растапливать ту ледяную глыбу, в которую, казалось, превратилось мое сердце.

– Да, со мной все в порядке, но...

– Па Солт?

– Да. – Я замолчала, хватая ртом воздух, не в силах продолжать от охватившего меня напряжения. – А как ты догадалась?

– Сама не знаю как... То есть знаю... У меня сегодня с самого утра было дурное предчувствие. Я тут отправилась на болота на поиски нашей молодой лани, которую мы окольцевали всего несколько недель тому назад, и обнаружила ее мертвой. И почему-то в ту минуту я вдруг подумала о папе. Но постаралась тут же отогнать от себя нехорошие мысли. Решила, что просто расстроилась из-за лани. А папа, он...

– Тигги, мне очень, очень жаль... Сегодня рано утром папа ушел. Точнее, это уже было вчера, – машинально поправила я себя.

– Ах, Майя! Не может быть! Что случилось? Что-то с его парусником? При нашей последней встрече я ему говорила, чтобы он не отправлялся на «Лазере» по озеру в полном одиночестве.

– Нет, папа умер здесь, дома. Сердечный приступ.

– Ты была рядом? Он страдал? Я... – Голос Тигги сорвался. – Не могу даже думать, что папа мучился перед смертью.

– Меня, Тигги, к сожалению, в этот момент не было дома. Я была в Лондоне, гостила у своей подруги Дженни. Между прочим, – неожиданно я поперхнулась, вспомнив почему именно решила уехать, – между прочим, именно папа и уговорил меня отправиться в эту поездку. Сказал, что мне нужно проветриться, пожить какое-то время вдали от Атлантиды.

– Ах, Майя, представляю, как тебе сейчас тяжело. Ведь ты же так редко покидаешь дом. И вот надо же такому случиться! И именно в твое отсутствие...

– Да, так уж вышло.

– Ты ведь не думаешь, что он заранее предвидел свой уход, да? Хотел оградить тебя от излишних переживаний.

Тигги озвучила мысль, которая не давала мне покоя несколько последних часов.

– Нет, может быть, не знаю. Думаю, сработал обыкновенный закон подлости. Но ты за меня не волнуйся. Я больше переживаю сейчас за тебя, после всего, что я на тебя вывалила. С тобой все в порядке? Как бы я сейчас хотела быть рядом с тобой, крепко обнять...

– Если честно, то я и сама не знаю, что со мной. Пока я просто не могу поверить в то, что это случилось на самом деле. Наверное, и не поверю, пока не приеду домой. Завтра, точнее, уже сегодня вылетаю в Швейцарию. Ты уже сообщила остальным?

– Разослала им сообщения с просьбой немедленно связаться со мной.

– Постараюсь добраться в Атлантиду как можно скорее, чтобы помочь тебе, Майя. Представляю, сколько у тебя сейчас забот с организацией похорон.

У меня не хватило духу сообщить сестре, что вообще-то отца уже похоронили.

– Да, хорошо, что ты будешь рядом со мной, Тигги. А сейчас постарайся поспать хоть немного. Заставь себя, если сможешь. А захочешь поговорить, звони в любое время. Я здесь, на связи.

– Спасибо! – В голосе Тигги послышались всхлипы. – Майя, но ты же знаешь, папа не умер. Душа ведь бессмертна, разве не так? Она просто переселилась в другой мир.

– Надеюсь, так оно и есть. Спокойной ночи, дорогая.

– Держись, Майя. Завтра увидимся.

Я отключила телефон и устало откинулась на подушки, подумав при этом, как было бы здорово верить в переселение душ, как делала это Тигги. Но сейчас я не могла придумать ни одной кармической причины, по которой Па Солт покинул землю.

Когда-то, давным-давно, я и правда *верила*, что Бог действительно существует, ну или, по крайней мере, некая высшая сила, неподвластная разуму человека. Но постепенно я потеряла это утешение.

Если быть честной, я точно знала, когда случился этот надлом.

Если бы я снова сумела обрести *веру*, научиться *чувствовать* по-человечески, а не быть биороботом, автоматом, внешне всегда спокойным и невозмутимым. И тот факт, что даже на смерть собственного отца я не могла отреагировать должным образом, лишнее подтверждение глубины моей раны.

И все же, уныло размышляла я, у меня никогда не возникало проблем с утешением других. Я прекрасно знала, что мои сестры видели во мне опору семьи, человека, способного решить любую проблему. Всегда практичная, рассудительная и, как сказала Марина, «сильная».

А на самом деле страхов во мне было гораздо больше, чем у любой из сестер. В то время как они выпорхнули из родительского гнезда и разлетелись в разные стороны, я осталась рядом с отцом, частично оправдывая свой поступок тем, что папа уже стар, ему нужна забота. Нашелся и еще один удобный предлог: моя работа требовала одиночества.

По иронии судьбы, несмотря на полное отсутствие личной жизни, я проводила дни в вымышленном мире грез и любви, переводя романы с русского и португальского на французский, мой родной язык.

Первым мои способности заметил отец. Я, словно попугай, повторяла за ним все слова на незнакомом языке. Будучи и сам весьма талантливым лингвистом, отец любил в разговоре переключаться с одного языка на другой и вскоре заметил, что и я с легкостью могу проделывать то же самое. К двенадцати годам я уже свободно разговаривала на французском, немецком и английском – все три языка широко используются в Швейцарии. Плюс добавила к ним вполне профессиональное владение итальянским, латынью, греческим, а потом еще и русским с португальским.

Языки всегда были для меня настоящей страстью, вызовом. Каких бы успехов в постижении того или иного языка я ни добивалась, я видела новые вершины в его освоении. Слова зачаровывали меня, мне нравилось узнавать весь спектр их значений и смыслов, а потому, когда пришла пора поступать в университет, выбор будущей профессии был очевиден.

И все же я решила посоветоваться с отцом, на каком именно языке мне стоит сфокусироваться.

Папа бросил на меня задумчивый взгляд.

– Тебе самой решать, Майя, какой язык ближе. Но я бы порекомендовал тебе выбрать что-то новое, что-то, чем ты еще не владеешь. У тебя будет три или четыре года обучения в университете, чтобы освоить его.

– А что делать, если я не знаю, чего хочу? – вздохнула я. – Ты же знаешь, папа, мне нравятся все языки без исключения. Вот я и прошу совета у тебя.

– Что ж, тогда давай порассуждаем логически. В ближайшие тридцать лет мировая экономика претерпит существенный сдвиг. Поскольку ты свободно владеешь тремя основными западными языками, я бы порекомендовал тебе посмотреть немного дальше, заглянуть, так сказать, в будущее.

– Ты имеешь в виду такие страны, как Россия или Китай? – спросила я.

– Да, но не только их. Есть ведь еще Индия, Бразилия. Другие страны, располагающие огромными природными ресурсами и самобытными, яркими культурами.

– Пожалуй, русский язык мне очень нравится... Да и португальский тоже... – помнится, я запнулась в поисках подходящих слов, – тоже очень выразительный язык.

– Вот ты и определилась со своим выбором! – улыбнулся отец. И по его лицу я поняла, что он остался доволен моим ответом. – Так почему бы тебе не заняться в университете изучением сразу двух языков? У тебя врожденные способности. Думаю, ты легко справишься. И заверяю тебя, Майя, имея в своем багаже знания португальского и русского, ты с легкостью покоришь весь мир. Да, наш мир меняется, но ты окажешься в авангарде этих перемен.

У меня запершило в горле. Я сползла с кровати и поплелась на кухню за стаканом воды. Я подумала о том, как отец лелеял в своем сердце надежду, что я, вооружившись уникальными способностями и знаниями, уверенно встречу зарю нового дня со всеми его переменами, в неизбежности которых отец был уверен. Когда-то и я не сомневалась в этом. Помимо прочего, я отчаянно хотела, чтобы отец гордился мной.

Но, как это часто бывает, жизнь преподнесла свой сюрприз, круто поменяв траекторию моего полета. И вместо того, чтобы уверенно направиться в эпоху перемен, я воспользовалась приобретенными знаниями, чтобы спрятаться в доме, где выросла.

Когда сестры слетались из самых разных уголков земного шара, они, бывало, подначивали меня, подшучивали над той жизнью затворницы, которую я вела. И даже запугивали, говорили, что я рискую закончить жизнь старой девой, ибо как я смогу встретить кого-то, если откажусь ступить за пределы Атлантиды?

– Ты такая красавица, Майя. Все, кто тебя видел, говорят то же самое. А ты торчишь здесь в полном одиночестве и попусту растрачиваешь свои драгоценные годы, – упрекнула меня Алли, когда мы виделись с ней в последний раз.

Наверное, в чем-то она была права. Я действительно выделялась своими внешними данными в нашей сестринской толпе. У каждой из нас был свой опознавательный знак, своя метка, так сказать.

Майя – красавица; Алли – лидер; Стар – миротворец; Кики – прагматик; Тигги – кормилица; Электра – непоседа.

Вопрос был лишь в том, смогли ли все эти качества обеспечить нам жизненный успех и сделать счастливыми.

Некоторые из моих сестер были еще слишком молоды, чтобы понять и судить меня. Но я знала – мой «дар» поспособствовал тому, что мне пришлось пройти через самый болезненный момент в моей жизни, просто потому, что я была слишком наивна в то время и не смогла

оценить его силы. И вот я сокрыла свою красоту от посторонних глаз, отгородилась от окружающего мира, спряталась в своей конуре.

Когда папа в последнее время приходил ко мне в Павильон, он часто спрашивал, счастлива ли я.

Мой ответ всегда был утвердительным.

– Конечно, папа, я всем довольна, – отвечала я. И действительно, никаких внешних причин для *недовольства* не было. Я жила в полном комфорте, а рядом со мной, можно сказать, в двух шагах, находились еще две пары любящих рук. То есть по всему выходило, что весь мир и правда *лежал* у моих ног. Никаких обязательств ни перед кем, никакой ответственности ни за что... Между тем как в глубине души я страстно мечтала иметь и обязательства, и ответственность.

Я невольно улыбнулась, вспомнив, как отец всего лишь пару недель тому назад уговаривал меня поехать в Лондон, погостить у моей школьной подруги. Наверное, если бы просил не папа, которому мне очень хотелось угодить после череды разочарований, я бы никуда и не поехала. Пусть думает, решила я, что его дочь вполне нормальный человек, такая, как все, хотя на самом деле это было далеко не так.

И вот я отправилась в Лондон... для того, чтобы вернуться и узнать, что отца больше нет. Что он ушел... Навсегда.

На часах было четыре утра. Я снова улеглась в кровать и постаралась заснуть. Но сон не шел. Сердце стало отчаянно колотиться в груди при одной только мысли о том, что со смертью отца я уже больше не смогу воспользоваться им как предлогом, для того чтобы и дальше прятаться от мира. К тому же, весьма возможно, все имущество придется продать. Па, конечно, никогда не говорил со мной о том, что будет с нашим имением после его смерти. Насколько мне известно, и с остальными сестрами он таких разговоров не вел.

Всего несколько часов назад Па Солт еще был полон жизненных сил, вездесущ и всемогущ. Могучий ветер, что поднимал нас над землей.

Отец часто называл нас своими золотыми яблочками. Такие румяные, созревшие плоды, которые только и ждали, чтобы их сорвали. Но вот ствол сильно тряхнуло, и яблоки сами собой посыпались на землю. И больше не было рядом крепкой руки, которая могла бы подхватить нас прямо на лету.

Я услышала, как кто-то громко стучит в мою дверь. С трудом поднялась с кровати и поковыляла к дверям, чтобы открыть их. Уже на рассвете я, устав мучиться без сна, отыскала снотворное, которое когда-то прописал мне доктор, и приняла таблетку. Глянув на часы в холле, я обнаружила, что уже половина двенадцатого, и тут же пожалела, что поддалась соблазну и приняла злосчастную пилюлю.

Я открыла дверь и столкнулась нос к носу с Мариной.

– Доброе утро, Майя. Я все утро пыталась дозвониться тебе и по домашнему телефону, и по мобильному. Поскольку ты не отвечала, я и пришла проверить, все ли с тобой в порядке.

– Прости, Марина, но я приняла таблетку снотворного и отключилась. Проходи! – пригласила я ее, испытывая неловкость от того, что заставила Марину волноваться.

– Нет, не буду мешать твоему полному пробуждению. Принимай душ и все такое, а потом, когда оденешься, приходи к нам. Мне позвонила Тигги, сказала, что часам к пяти будет уже здесь. Она уже связалась со Стар, с Кики и Электрой. Все они тоже на пути домой. А от Алли есть какие-то новости?

– Сейчас проверю. И если нет, то снова перезвоню ей.

– С тобой все в порядке, Майя? Выглядишь неважно.

– Все в порядке, Ма. Правда. Я зайду к вам чуть попозже.

Я закрыла парадную дверь и направилась в ванную. Плеснула себе в лицо немного холодной воды, чтобы окончательно проснуться. Глянув на себя в зеркало, я поняла, почему Марину так встревожил мой внешний вид. Огромные темные круги залегли под глазами, а в уголках обозначились лучики морщин. Обычно блестящие и шелковистые волосы теперь висели неопрятными жирными патлами. А кожа на лице, всегда безупречно смуглая и гладкая, что позволяло мне обходиться безо всякой косметики, была бледной, да и само лицо показалось немного опухшим.

– Да, сегодня утром ты едва ли сможешь претендовать на звание первой красавицы в семье, – пробормотала я, обращаясь к собственному отражению, и принялась искать среди постельного белья мобильный. Наконец телефон отыскался, под одеялом. Глянув на экран, я увидела восемь пропущенных звонков. Включила автоответчик и прослушала все голосовые сообщения от сестер, в которых недоверия звучало столько же, сколько и шока. Алли единственная не откликнулась на мой сигнал бедствия. Я снова связалась с ее автоответчиком и попросила срочно перезвонить мне, после чего направилась в Атлантис.

Марина и Клавдия хлопотали наверху: меняли постельное белье в комнатах сестер и проветривали помещения. Было видно, что, несмотря на горе, Марина была искренне рада тому, что ее цыплятки снова возвращаются в свой родной дом. В последнее время нам все реже удавалось собраться вместе под одной крышей. Последний раз мы виделись в июле одиннадцать месяцев назад на папиной яхте во время круиза по греческим островам. Только четверо из нас встречали минувшее Рождество в Атлантике. Стар и Кики в это время путешествовали по Дальнему Востоку.

– Я отправила Кристиана забрать катером продукты, которые заказала, – сообщила мне Марина, когда мы спускались по лестнице. – Твои сестры в последнее время такие привередливые, учитывая, что Тигги – веган, а Электра бог знает на какой модной диете сидит, – ворчливо добавила она. Но было ясно без слов, что домашняя суэта была ей очень по душе, ибо напоминала о тех днях, когда все мы жили под ее крылом. – Клавдия уже с рассвета трудится на кухне. Но сегодня, думаю, мы обойдемся обычным ужином – паста и салат.

– А когда приезжает Электра? – спросила я, когда мы прошли на кухню, где аппетитный запах выпечки Клавдии захлестнул меня волной детских воспоминаний.

– Не раньше завтрашнего утра, я думаю. Она летит из Лос-Анджелеса в Париж, а оттуда в Женеву.

– Как она разговаривала по телефону?

– Плакала. Плакала навзрыд.

– А Стар и Кики?

– Как обычно, все организационные хлопоты взяла на себя вторая из них. Она, бедняжка, в полном шоке. Словно шарик, из которого вдруг спустили воздух. Со Стар я даже не разговаривала. Они лишь десять дней назад вернулись из Вьетнама. Скушай свежего хлебушка, Майя. Ты же еще даже не завтракала.

Марина положила передо мной кусок хлеба, щедро намазанный сливочным маслом и джемом.

– Боюсь даже думать, что с ними будет, когда они все узнают, – едва слышно пробормотала я, откусывая хлеб.

– Каждая из девочек отреагирует по-своему, – ответила Марина с присущей ей мудростью.

– Но они же все уверены, что едут на похороны отца, – снова вздохнула я. – Несмотря на то что уже само по себе мероприятие грустное, оно, во всяком случае, хотя бы укладывается в существующие традиции. К тому же все мы получили бы возможность упокоить отца с миром и уже затем двинуться дальше, каждая своей дорогой. А что теперь? Они приедут и обнаружат, что его уже тут нет.

– Понимаю, Майя, все это будет непросто. Но что сделано, то сделано, – печально ответила Марина.

– Остались ли у отца хоть какие-то партнеры по бизнесу, его друзья, которым нужно сообщить эту новость?

– Георг Хофман сказал, что сам уладит все эти вопросы. Утром он снова звонил мне, узнавал, когда все сестры приедут. Я пообещала перезвонить ему после того, как мы свяжемся наконец с Алли. Может, Хофман и прольет свет на все таинственные придумки твоего отца.

– Надеюсь, хоть кто-то сможет, – уныло откликнулась я.

– Не возражаешь, если я оставлю тебя позавтракать в одиночестве? У меня куча дел, которые нужно завершить до приезда твоих сестер.

– Конечно, не возражаю. Спасибо, Ма. Что бы мы все без тебя делали! – воскликнула я с благодарностью в голосе.

– А что бы я делала без тебя, Майя? – Марина ласково погладила меня по плечу и вышла из кухни.

4

Всю вторую половину дня я бесцельно бродила по нашим садам, потом взялась за перевод в тщетной попытке отвлечься от мыслей об отце. В шестом часу вечера я наконец услышала нарастающий гул мотора. Катер приближался к берегу. Обрадовавшись, что Тигги наконец приехала и мне больше не надо будет терзаться невеселыми мыслями в полном одиночестве, я распахнула настежь входную дверь и ринулась напрямик, через лужайку, к пристани, чтобы поприветствовать сестру.

Стоя на пирсе, я молча наблюдала за тем, с какой грацией она соскочила с палубы катера на причал. Отец, когда Тигги была еще маленькой, часто предлагал ей брать уроки в балетном классе. Тигги не ходила, она плыла, неся свое гибкое, стройное тело так легко, что казалось, будто ее ноги вовсе не касаются земли. Она была похожа на ангела: широко распахнутые сияющие глаза, обрамленные густыми черными ресницами, маленькое личико, похожее по форме на сердечко. Глядя на нее сейчас, я вдруг подумала, что Тигги и сама похожа на хрупкого молодого олененка, за которыми она так ревностно ухаживает где-то высоко в горах Шотландии.

– Моя дорогая Майя! – воскликнула сестра, простирая руки мне навстречу.

На какое-то время мы обе замерли, слившись в молчаливом объятии. Когда она оторвалась от меня, я увидела, что глаза ее полны слез.

– Ну, как ты? – спросила она у меня.

– Словно онемела... А ты?

– То же самое. До сих пор не могу поверить, – ответила Тигги, когда мы, обняв друг друга за плечи, медленно направились к дому.

На террасе Тигги вдруг резко остановилась и повернулась ко мне лицом.

– Папа еще?.. – Она бросила быстрый взгляд на дверь. – Если он пока еще... Мне нужно немного времени, чтобы подготовиться.

– Нет, Тигги, дома его больше нет.

– Ах вот как! Я так и предполагала, что его заберут на...

Тигги замолчала, не в силах закончить мысль.

– Пойдем в дом. Выьем по чашечке чая, и я тебе все объясню.

– Знаешь, а я ведь все время пытаюсь почувствовать его... Я имею в виду его дух. – Тигги тяжело вздохнула. – Но ничего не чувствую.

– Может быть, еще слишком рано искать встречи с его духом, – осторожно предположила я. К странным идеям сестры я давно привыкла, и мне не хотелось крушить их своим жестким прагматизмом. – Я тоже ничего не чувствую. Не могу, – добавила я, когда мы вместе вошли на кухню.

Клавдия возилась с посудой у раковины, но тотчас же повернулась на голос Тигги. Мне всегда казалось, что та ее любимица. Глаза женщины были полны сочувствия.

– Какое горе, да? – воскликнула Тигги, обнимая Клавдию. Пожалуй, она единственная из всех сестер могла осмелиться на подобные нежности с суровой домоправительницей.

– Да, ужасное горе, – согласилась с ней Клавдия. – Ступайте обе в гостиную. Чай я принесу вам туда.

– А где Ма? – поинтересовалась у меня Тигги, пока мы шли в гостиную.

– Наверху. Хлопочет, наводя идеальный порядок в ваших комнатах. Наверное, решила, что какое-то время нам с тобой надо побыть наедине, – добавила я, усаживаясь на диван.

– Она была здесь? То есть я хочу сказать, она была с папой в конце?

– Да.

– Но почему же она сразу не связалась с нами? – задала Тигги вопрос, который ранее я сама задала Марине.

Следующие полчаса ушли на то, чтобы ответить на все вопросы, которые волновали сестру не меньше, чем меня саму несколько часов назад. Разумеется, я сообщила Тигги, что тело отца в свинцовом гробу покоится в данную минуту где-то на морском дне. По правде говоря, я ожидала от нее такого же возмущения, что захлестнуло и меня. Но Тигги лишь понимающе пожала плечами.

– Он просто захотел вернуться в ту стихию, которую любил больше всего на свете. Пожелал упокоиться на дне океана. В какой-то мере, Майя, я даже рада, что не видела его... то есть *его тела*. Зато я всегда буду помнить его живым.

Я бросила на сестру удивленный взгляд. Несмотря на то что Тигги была самой чувствительной из нас, новость о смерти отца затронула ее не так сильно, как я того ожидала. Во всяком случае, выглядела она совершенно спокойной. Ее густые каштановые локоны гривой обрамляли миленькое личико, огромные карие глаза смиренно сверкали. Поразительное самообладание Тигги вселило в меня надежду, что и остальные сестры смогут сохранять, хотя бы внешне, подобное хладнокровие и оптимизм. Даже если я не могла...

– Несмотря ни на что, выглядишь замечательно, Тигги, – похвалила я сестру от чистого сердца. – Судя по всему, свежий воздух шотландского высокогорья тебе только на пользу.

– Это точно, – согласилась она. – Все детство я промучилась со своими болезнями в четырех стенах, без глотка свежего воздуха. И вот наконец-то вырвалась на волю. Я просто без ума от работы, хотя это, безусловно, тяжелый труд. Да и условия проживания... В домике лишь минимальный набор удобств. Достаточно сказать, что туалет у нас на улице.

– Вау! – невольно воскликнула я, восхищаясь ее способностью отказаться от всех благ цивилизации, чтобы следовать своей страсти. – То есть это приносит тебе больше удовольствия, чем работа в лаборатории при женевском зоопарке Сервион?

– О господи! Конечно! – Тигги удивленно вскинула брови. – В лаборатории, если честно, тоже было интересно, но я практически не работала с животными напрямую, просто сидела в кабинете и анализировала имеющийся в нашем распоряжении генофонд. Быть может, тебе кажется, что я совсем спятила. Бросила перспективную карьеру ученого и подалась куда-то в горы, где приходится вкалывать сутками напролет за мизерную зарплату. Но лично мне такой расклад больше по душе.

Она подняла глаза и улыбнулась Клавдии, которая появилась на пороге гостиной с подносом в руках. Его она поставила на низенький столик рядом с диваном и тотчас же покинула комнату.

– Ничего ты не спятила, Тигги! – возразила я. – Я тебя прекрасно понимаю.

– Честно, до нашего с тобой разговора вчера ночью я чувствовала себя самым счастливым человеком на свете.

– Потому что ты нашла свое призвание, – улыбнулась я в ответ.

– Да... нашла... и не только, – согласилась Тигги и слегка покраснела. – Но об этом потом. А остальные девочки уже дома?

– Кики и Стар должны приехать к семи вечера. А прибытия Электры ждем где-то ближе к утру, – сказала я, разливая чай по чашкам.

– Как отреагировала Электра, когда ты разговаривала с ней? – поинтересовалась у меня Тигги. – Хотя можешь не отвечать. Догадываюсь.

– Вообще-то с ней разговаривала Ма. Говорит, плакала навзрыд прямо в трубку.

– Могу себе представить! – Тигги сделала глоток из своей чашки и тяжело вздохнула. Блеск в ее глазах потускнел за мгновение. – Знаешь, у меня такое странное чувство... Я все жду, когда папа войдет в комнату, но он больше никогда не сможет этого сделать.

– Не сможет, – печально подтвердила я.

– У нас есть сейчас какие-нибудь дела? – Тигги пружинисто поднялась с дивана и подошла к окну, взглядываясь вдаль. – Нам надо срочно заняться... *хоть чем-то*.

– Когда приедут все остальные, в Атлантис пожалует папин нотариус. Он должен многое объяснить нам. А пока, – я сокрушенно пожала плечами, – все, что нам остается, это запастись терпением и дожидаться приезда остальных сестер.

– Ты права.

Тигги прижалась лбом к оконному стеклу.

– А ведь никто из нас не знал его по-настоящему. Правда ведь? – тихо спросила она.

– Не знал, – коротко согласилась я с ней.

– Майя, можно я задам тебе еще один вопрос?

– Можно.

– Тебя никогда не интересовало, откуда мы все взялись? Как сюда попали? То есть, я хочу сказать, тебе не интересно узнать, кто твои настоящие родители?

– Конечно, иногда я думала об этом. Но, Тигги, папа для меня был всем. Его я считаю своим *родным отцом*. А другие мне и не нужны. Не хочу переживать из-за этого.

– Считаешь, это будет нечестно по отношению к папе – попытаться выяснить свое настоящее происхождение?

– Может, и так. В любом случае отцовской любви мне всегда хватало с лихвой. Трудно представить себе более любящего и более заботливого отца.

– Понимаю. Вас с отцом действительно связывали особые узы. Наверное, потому, что ты старшая. Так всегда в семьях и бывает.

– А по-моему, у каждой из нас были с ним свои особые узы. Он любил нас всех.

– Да, я знаю, как он любил меня, – едва слышно согласилась со мной Тигги. – Но все равно не перестаю думать о том, кто же я есть на самом деле. Мне часто хотелось расспросить отца, но я боялась спрашивать, не хотела расстраивать его. Так и не рискнула. А сейчас уже поздно. – Тигги подавила зевок. – Не возражаешь, если я пойду к себе и прилягу на часок? Что-то на меня вдруг навалилась страшная усталость. То ли пережитый шок начал действовать, то ли тот факт, что последние несколько недель я работала без выходных. Я измотана...

– Конечно, ступай, тебе нужен отдых.

Я молча проследила за тем, как Тигги направилась к дверям.

– Увидимся позже, ладно? – бросила она напоследок.

– Постарайся поспать хоть немного, – посоветовала я.

Дверь за сестрой закрылась, и я снова осталась одна. Меня вдруг охватило *странное раздражение*. Неужели дело во мне? Нет. Внезапно до меня дошло очевидное. Врожденная отстраненность от всего на свете у Тигги с годами проступала все резче, все отчетливее. Я не совсем понимала, чего хочу от нее. В конце концов, я ведь боялась чрезмерно эмоциональной реакции сестер на известие о смерти отца. Так что надо только радоваться тому, насколько спокойно восприняла эту страшную новость Тигги.

Или настоящей причиной моего беспокойства был тот факт, что у каждой из моих сестер была своя жизнь, далеко за пределами дома Па Солта, дома их детства, в то время как и отец, и Атлантис заключали в себе весь мой мир?

Стар и Кики прибыли уже после семи вечера. И снова я встречала их на пирсе. Обычно не любящая всяческие нежности, Кики на сей раз даже позволила мне слегка обнять ее за плечи и тут же отстранилась.

– Ужасно, Майя! Просто ужасно, – воскликнула она. – Стар очень расстроена.

– Могу себе представить, – ответила я. Стар действительно выглядела бледнее обычного.

– Ну, как ты, моя родная? – Я протянула руки к ней, намереваясь заключить ее в объятия.

– Полностью раздавлена, – прошептала в ответ Стар и положила свою головку, обрамленную серебристо-белыми кудряшками, мне на плечо.

– Но, слава богу, мы все вместе, – сказала я, наблюдая за тем, как Стар оторвалась от моего плеча и снова вернулась к Кики, которая тут же обхватила ее крепкой рукой за талию.

– Что нужно делать? – спросила меня Кики, пока мы все трое шли домой.

И я снова, как и в случае с Тигги, проводила сестер в гостиную и усадила на диван. А потом коротко повторила все подробности, связанные с кончиной отца и его последней волей, согласно которой он захотел уйти скромно, без похорон и нашего присутствия.

– Так кто тогда доставил его тело на борт яхты? – спросила у меня Кики, как всегда самая дотошная и логически мыслящая из всех сестер. Я поняла, что она вовсе не хотела показаться бесчувственной. Просто ей, как всегда, нужны были факты и только факты.

– Если честно, я даже не спрашивала. Но мы это легко выясним. Наверное, кто-то из членов команды «Титана».

– И где именно опустили гроб с его телом в воду? Вблизи Сен-Тропе, где была пришвартована яхта? Или они вышли в открытое море? Наверняка вышли, – задумчиво бросила Кики.

Нас обеих, и меня, и Стар, невольно передернуло от этого неумного желания сестры узнать как можно больше подробностей.

– Ма сказала мне, что его похоронили в свинцовом гробу, который уже давно находился на борту яхты. Но конкретно, где и как опустили гроб в воду, я не знаю, – ответила я, надеясь, что на этом дальнейшие расспросы со стороны Кики прекратятся.

– Вполне возможно, нотариус ознакомит нас с его завещанием? – не успокаивалась Кики.

– Скорее всего.

– Итак, отныне мы остаемся без средств к существованию, – слегка пожала плечами Кики. – Ты же помнишь, отец всегда повторял нам, что надо научиться зарабатывать себе на жизнь. Я бы не исключала возможность, что он мог оставить все имущество на благотворительность, – добавила она.

И хотя я понимала, что за врожденным цинизмом Кики, который, несомненно, проявился сильнее в последнее время, скрывалось желание хоть как-то совладать с болью и горечью потери, я чувствовала, что почти достигла своего предела. Намеренно оставив ее замечание без комментариев, я повернулась к Стар. Та молча застыла на диване рядом с сестрой.

– Ну, как ты? – мягко поинтересовалась я у нее.

– Я...

– Она в шоке, как и все мы, – вмешалась Кики, прежде чем Стар успела что-либо сказать Кики. – Но вместе мы как-то с этим справимся, верно?

Она протянула свою сильную смуглую руку к Стар и сжала в своей ладони ее тоненькие белые пальчики.

– Какая жалость! А у меня была припасена для папы такая хорошая новость.

– И что за новость? – осторожно поинтересовалась я.

– Мне предложили годичный курс со стипендией в Королевском колледже искусств в Лондоне. Занятия начнутся в сентябре.

– Это замечательная новость, – сказала я, хотя, по правде говоря, никогда не понимала довольно странных «инсталляций» Кики, как она сама называла свои творения. Я всегда пред-

почитала более традиционные направления современному искусству. Но я знала, что это – настоящая страсть Кики, а потому искренне обрадовалась за сестру.

– Здорово! – воскликнула я. – Мы все за тебя очень рады. Правда, Стар?

– Да, – послушно согласилась со мной Стар, хотя никакой особой радости я на ее лице не увидела. У нее слегка задрожала нижняя губа.

– Мы поселимся в Лондоне, – оповестила нас Кики. – Если, конечно, средства позволят. Но это мы узнаем после встречи с папиным нотариусом.

– Если честно, Кики, – мое терпение наконец лопнуло, – то я думаю, что сейчас совсем не время думать о подобных вещах.

– Прости, Майя. Я, как всегда, на своей волне. Но ты же знаешь, как сильно я любила папу. Он был изумительным человеком и всегда так горячо поддерживал меня в любых начинаниях.

На какую-то долю секунды на лице Кики отразилась растерянность, а в ее светло-коричневых глазах мелькнул испуг.

– Все так, – коротко подтвердила я.

– Ладно, Стар, почему бы нам с тобой не подняться наверх и не распаковать вещи? – предложила Кики. – А во сколько ужин, Майя? Мы, если честно, уже голодны.

– Пойду скажу Клавдии, чтобы она поскорее накрывала на стол. Больше ждать некого. Электра ведь появится здесь только под утро. А от Алли у меня вообще пока нет никаких известий.

– Хорошо. Тогда до встречи за ужином, – проговорила Кики, поднимаясь с дивана. Стар мгновенно последовала ее примеру. – Если я чем-то могу помочь, только скажи, и я буду тут как тут. – Грустная улыбка тронула губы сестры при последних словах. Какой бы черствой она ни казалась, я знала, что она совершенно искренна.

После того как обе покинули гостиную, я еще некоторое время сидела, раздумывая о том, что за странная связь существует между двумя моими сестрами. Мы с Мариной не раз обсуждали эту тему и были обеспокоены, что с возрастом Стар все больше пряталась за Кики, которая, как более сильная личность, целиком подавляла ее.

– Такое впечатление, что у Стар и мнения-то своего нет, – не раз раздраженно повторяла я. – Вот я, к примеру, понятия не имею, о чем она думает на самом деле. Ну разве это нормально?

Марина всегда соглашалась со мной. Но, когда я однажды поделилась своими соображениями с отцом, тот лишь улыбнулся в ответ своей таинственной улыбкой и посоветовал мне не волноваться понапрасну.

– Вот увидишь: в один прекрасный день наша Стар расправит крылышки и взлетит высоко в небо, воспарит, словно ангел в небесах. Впрочем, она и есть ангел. Так что подожди немного, и сама убедишься в том, что я был прав.

Помнится, в тот момент слова отца не очень успокоили меня. Я видела, что не только Стар зависела от Кики, но и сама Кики, несмотря на всю внешнюю самостоятельность, точно так же зависела от сестры. А значит, если в один прекрасный день Стар *расправит свои крылышки* и взлетит в небо, как в том был уверен отец, то Кики тут же почувствует себя брошенной. И страшно одинокой...

Ужин в тот вечер был мрачным. Сестры заново привыкали к родительскому дому, где буквально каждая вещь напоминала нам о том, сколь велика была потеря. Марина изо всех сил старалась расшевелить девочек, хоть чуть-чуть поднять настроение, но, видно, она и сама плохо представляла, с какой стороны к нам лучше подступиться. Она сыпала вопросами, интересовалась подробностями жизни всех сестер, но тень отца незримо витала в комнате, а случайные воспоминания о нем моментально вызывали слезы на глазах. В результате все разговоры увяли сами собой, и за столом воцарилось тяжелое молчание.

– Я буду только рада, если Алли наконец-таки объявится и мы сможем услышать из уст нотариуса, что именно Па Солт хотел сказать нам. – Тигги издала протяжный вздох. – Простите меня, но я отправляюсь спать.

Она перецеловала всех по очереди и ушла. Через пару минут ее примеру последовали Кики и Стар.

– Ах, боже мой! – тяжело вздохнула Марина, когда мы с ней остались за столом вдвоем. – Девочки полностью сломлены... Убиты горем. Я согласна с Тигги. Чем быстрее мы отыщем Алли и она приедет домой, тем скорее все мы сможем двигаться дальше.

– Очевидно, что Алли сейчас находится вне зоны действия мобильной связи, – предположила я. – Ма, у тебя страшно усталый вид. Ступай тоже в постель. А я останусь и буду дожидаться Электру.

– Ты уверена, милая?

– Абсолютно, – заверила я Ма. – Не беспокойся за меня.

Я прекрасно знала, как непросто в прошлом складывались отношения Марины с моей младшей сестрой, а потому сознательно решила пощадить ее на сей раз.

– Спасибо тебе, Майя, – поблагодарила меня Марина, не сильно сопротивляясь. Она поднялась из-за стола, ласково поцеловала меня в макушку и вышла из кухни.

Следующие полчаса ушли на мытье посуды. Я сама настояла на том, чтобы помочь Клавдии убрать со стола, и была благодарная за возможность отвлечься от темных мыслей в ожидании Электры. Зная обычную неразговорчивость нашей домоправительницы, сегодня я даже была благодарна ей за то, что она продолжала хранить упорное молчание. Тишина успокаивала.

– Запирать парадную дверь, мисс Майя? – спросила она у меня.

– Пока не надо. У вас, Клавдия, тоже сегодня выдался очень трудный день. Ступайте спать, а дверь я запру сама.

– Как пожелаете. *Gute Nacht!* – пожелала она мне доброй ночи по-немецки и тоже покинула кухню.

Я неспешно прогулялась по дому, зная, что в запасе у меня как минимум два часа до прибытия Электры. После позднего подъема я чувствовала себя бодрой и полной сил. Проходя мимо папиного кабинета, я, следуя неожиданному порыву, взялась за ручку. Он словно был рядом. К моему удивлению, дверь не поддавалась.

Странно, подумала я, и мне почему-то сделалось не по себе. Когда папа бывал дома и занимался делами у себя в кабинете, двери всегда были широко распахнуты. Как бы папа ни был занят, он всегда приветливо улыбался на мой робкий стук, ведь мне страшно нравилось сидеть в его кабинете, здесь отец был самим собой. Ряд мониторов на письменном столе и

большой видеэкран на стене, всегда готовый для онлайн-встреч с деловыми партнерами, мало привлекали мое внимание. Но я с особым интересом разглядывала папины личные сокровища, которые в беспорядке теснились на полках за его спиной.

На первый взгляд они не имели большой ценности, но эти вещи были собраны Па Солтом во время странствий по всему миру. Среди прочего на полке хранился образ Богородицы в изящной позолоченной рамочке. Образок был такой миниатюрный, что с легкостью помещался на ладони. А рядом – старинная скрипка, потрепанный кожаный кошелек и старая пожелтевшая книга со стихами совершенно не известного мне английского поэта.

Словом, эти предметы вряд ли можно было продать хоть за какие-то деньги, но для отца они были бесценны.

Надо сказать, что в Атлантике вообще было мало по-настоящему дорогих вещей, хотя я не сомневалась: при желании папа мог бы с легкостью забить весь дом антиквариатом и известными произведениями искусства, он просто никогда не ставил такой цели. Мне даже казалось, что отец испытывал некую неприязнь к коллекционированию материальных ценностей исключительно ввиду их огромной стоимости. Так, он откровенно насмеялся над своими богатыми приятелями, тратившими баснословные суммы на приобретение известных произведений искусства. Не раз он говорил мне, что в итоге все их покупки обретут свое место в какой-нибудь бронированной комнате, похожей на сейф, и все ради того, чтобы их – не дай бог! – не украли.

– Искусство должно быть доступно любому, – часто повторял отец. – Ведь в каждую картину художник вкладывает свою душу. Полотно, которое спрятано от людских глаз, ничего не стоит.

А когда я осмелилась упомянуть тот факт, что у него самого есть частный самолет и большая роскошная яхта, он удивленно вскинул брови.

– Ну как ты не понимаешь, Майя! – убеждал меня Па Солт. – Это всего лишь средства передвижения. Они имеют практическую ценность, и только. Если завтра они сгорят, я смогу легко заменить их. Что же до произведений искусства, то с меня вполне хватит и шестерых моих дочурок. Самые ценные сокровища, потому что вы все незаменимы. Потому что те, кого мы любим, эти люди поистине *незаменимы*. Запомни мои слова, Майя, хорошо?

Прошло столько лет, а я не забыла. Лишь один-единственный раз память меня подвела... О, как же я жалела каждой клеточкой своего тела, что в тот момент, когда должна была вспомнить папины слова, я не смогла.

Опустошенная нахлынувшими на меня воспоминаниями, я отошла от кабинета Па Солта и направилась в гостиную, продолжая гадать, кто и зачем запер отцовский кабинет на ключ. Я планировала расспросить об этом Марину. Усаживаясь в кресло возле журнального столика, я машинально взяла в руки фотографию в рамочке. Снимок был сделан на «Титане» несколько лет тому назад: отец в окружении нас, шестерых сестер. Он широко улыбался, красивые черты его лица разглажены, роскошную шевелюру седых волос растрепал морской бриз, загорелое мускулистое тело блестело на солнце.

– Кем же ты, папа, *был на самом деле?* – спросила я фотографию, слегка нахмурившись.

Чтобы чем-то заняться, я включила телевизор и стала переключать каналы, пока не отыскала новостную программу. Как всегда, пугающая информация: войны, страдания, разрушения. Я уже приготовилась выключить телевизор, но тут диктор объявил, что найдено тело Крига Эсу, известного магната, владельца множества международных компаний, занимающихся вопросами коммуникации и связи. Тело вынесло волной на берег небольшой бухты на одном из греческих островов.

Я подалась к экрану, намертво вцепившись в пульт. Между тем диктор сообщил, что, согласно информации, полученной от семьи покойного, у Крига недавно диагностировали рак в последней стадии. Подразумевалось, что, учитывая диагноз, он решил покончить с собой.

Сердце, казалось, готово было выскочить из груди. И не только потому, что мой отец тоже предпочел встретить вечность на дне океана. Просто вся эта история имела самое прямое отношение ко *мне самой*...

Далее диктор сказал, что сын покойного, Зед, который все последние годы трудился вместе с отцом и под его началом, незамедлительно возложил на себя обязанности исполнительного директора компании «Артениан Голдингс». На экране мелькнуло лицо Зеда, и я тут же инстинктивно закрыла глаза.

– О боже! – Из моей груди вырвался стон. Ну почему судьба выбрала именно этот момент, чтобы напомнить мне о человеке, которого я старалась забыть последние четырнадцать лет?

И вот она, ирония судьбы. По всему выходит, что за какие-то несколько часов мы с ним потеряли своих отцов. И оба они упокоились в морской пучине.

Я поднялась с кресла и стала нервно расхаживать по комнате, пытаюсь выкинуть из головы образ Зеда, который, казалось, был еще красивее, чем я его помнила.

«Подумай, Майя, о том, сколько горя он тебе причинил, – попыталась я привести себя в чувства. – Все кончено, все закончилось много лет тому назад. Не смей возвращаться в прошлое. Ни под каким предлогом».

Я вздохнула и почти рухнула без сил на диван. Как себя ни уговаривай, но в глубине души я хорошо понимала, это никогда не закончится.

5

Пару часов спустя я услышала негромкое жужжание моторной лодки, возвещающее о прибытии Электры. Я сделала глубокий вдох, пытаясь взять себя в руки. Потом вышла из дома и направилась через сад, залитый ярким лунным светом, навстречу сестре. Я увидела, как Электра спешит ко мне, быстрым шагом пересекая лужайку. Ее красивая кожа цвета слоновой кости светилась под звездным небом, а длинные ноги проворно сокращали расстояние между нами.

Рядом с высоченной, почти в два метра ростом, Электрой я всегда чувствовала себя маленькой и незначительной. Она подбежала ближе и сама заключила меня в крепкие объятия, прижав мою голову к себе с такой силой, что она буквально вдавилась в ее грудь.

– Ах, Майя! – воскликнула она с надрывом в голосе. – Ну скажи же мне, что это неправда. Папа не мог просто так вот взять и уйти от нас. Не мог, и все тут! Я...

Электра громко разрыдалась. Я решила не беспокоить остальных сестер, которые могли проснуться от плача Электры в любую минуту, и повела ее в Павильон. Всю дорогу до дома и пока я усаживала ее на диван Электра жалобно всхлипывала.

– Майя, что мы все будем делать без него? – спросила она, устремив на меня требовательный взгляд своих янтарных глаз.

– Папин уход невозможно восполнить ничем. Боль от его утраты всегда будет с нами. Но я надеюсь, что горе еще больше сблизит всех нас и вместе мы как-то справимся. – Я торопливо сняла с полки коробочку с бумажными носовыми платками и положила ее на диван рядом с сестрой. Электра взяла платок и промокнула глаза.

– Все время плачу, не могу остановиться, – пожаловалась она. – С тех самых пор, как мне позвонила Ма. Я не в силах это слышать! Просто не могу, Майя.

– Я тебя понимаю, – согласилась я с сестрой. Глядя на рыдающую Электру, я невольно задалась вопросом: как может в этом красивом, физически сильном теле уживаться душа маленькой девочки? Ее фотографии постоянно мелькали в глянцевых журналах. То она шла под руку с какой-нибудь кинозвездой, то в обнимку с очередным богатым плейбоем. На всех снимках она выглядела потрясающе: уверенный взгляд, полное самообладание, совершенно не та плаксивая и эмоционально ранимая сестра, которую мы знали. Постепенно я пришла к выводу, что Электре нужна постоянная подпитка любовью и вниманием, и только тогда все ее детские страхи и комплексы могут затихнуть.

– Хочешь чего-нибудь выпить? – спросил я, когда она перестала рыдать. – Может, бренди? Он поможет тебе немного успокоиться.

– Нет. Я уже несколько месяцев как не прикасаюсь к спиртному. Митч тоже в завязке.

Митч – нынешний бойфренд Электры, известный остальному свету как Митчелл Дагган, знаменитый американский певец, который недавно отправился в мировое турне и собирал огромные арены фанатов.

– А где он, кстати, сейчас? – сделала я попытку переключить внимание Электры на что-то другое.

– В Чикаго. А на следующей неделе будет выступать в Мэдисон-сквер-гарден. Майя, расскажи мне, как умер Па Солт? Я хочу знать.

– Уверена, что хочешь? Ты сейчас очень расстроена, да и к тому же пережила долгий перелет. Думаю, тебе сейчас лучше поспать, разговор подождет.

– Нет, Майя, нет! – энергично затрясла головой Электра и сделала видимое усилие, чтобы совладать со слезами. – Пожалуйста, расскажи мне все прямо сейчас.

И вот, уже в третий раз, я повторила все то, что мне, в свою очередь, сообщила Марина, по мере сил смягчая подробности. Электра сидела тихо и внимательно слушала каждое мое слово.

– А что насчет самих похорон? Митч пообещал, что сможет вырваться и побыть рядом со мной во время церемонии, если только похороны пройдут на следующей неделе.

В первый раз я подумала, что отец все же поступил правильно, пожелав уйти в одиночестве. Мысль о том, какой шумихой бы окружили СМИ это мероприятие после прибытия на него звездного кавалера Электры, заставила меня содрогнуться.

– Электра, мы сейчас обе страшно устали. Давай...

– Что такое? В чем дело? – Сестра мгновенно уловила нерешительные нотки в моем голосе. – Говори мне все как есть... сейчас. Пожалуйста...

– Хорошо! Я скажу, но прошу не расстраиваться, ладно?

– Постараюсь. Обещаю.

Так мне пришлось сообщить очередной сестре о весьма необычных похоронах, которые уже состоялись. Надо отдать должное Электре. Я видела, как сжались у нее кулачки, как побелели костяшки пальцев, но она не заплакала.

– Ну зачем он так поступил? – недоуменно спросила она. – Ведь это жестоко – лишать нас возможности попрощаться с ним. Разве не так? – В янтарно-золотистых глазах Электры вспыхнули искорки гнева. – Это так на него похоже. Так эгоистично.

– Хочется верить, что папа просто хотел оградить всех нас от боли прощаний.

– Но как иначе мне понять, как прочувствовать, что отца больше нет? Как всем нам принять это? В Лос-Анджелесе «завершение» считается необходимым, важнейшим этапом чего-либо. А какое завершение получили мы?

– Если честно, Электра, я не думаю, что от этого нам стало бы легче. Что может помочь, когда теряешь любимого человека?

– Может, ты в чем-то и права, – Электра сверкнула на меня глазами. – Ты же знаешь, мы с Па Солтом на многие вещи смотрели по-разному. Было очевидно, что отец категорически не одобрял способ, которым я зарабатываю себе на жизнь. Пожалуй, он был единственным человеком на свете, кто считал, что у меня есть мозги для большего. Ты помнишь, как он был зол на меня, когда я провалила все школьные экзамены.

Кто-кто, а я-то уж *прекрасно помнила*, какие скандалы сотрясали наш дом всякий раз, когда папа получал отчеты об успеваемости дочери. Много в жизни Электры было далеко от его понимания. Она всегда считала, что правила созданы лишь для того, чтобы нарушать их. Электра единственная в нашей семье осмеливалась перечить отцу и всегда настаивала на своем, а он во время этих споров смотрел на свою строптивую дочь с нескрываемым восхищением.

– Вот в ком есть настоящая сила духа, – не раз повторял он мне. – И это качество всегда будет выделять нашу Электру из толпы.

– Милая, отец обожал тебя, – утешала я сестру. – Да, конечно, ему хотелось, чтобы твои способности могли раскрыться в полной мере. А какой отец не хочет лучшего для своих детей? И давай смотреть правде в глаза – ты стала более успешной и богатой, чем любая из нас. Только сравни свою жизнь с моей. У тебя есть все, о чем только можно мечтать.

– Нет, не все. – Внезапно из груди Электры вырвался тяжелый вздох. – Это все, знаешь ли, одна мишура, внешний блеск, за которым нет ничего стоящего. Но так уж сложилось... Я устала, Майя. Можно я посплю сегодня здесь вместе с тобой?

– Разумеется, можно. Гостевая комната уже подготовлена. Спи, сколько тебе захочется. У нас все равно задержка из-за Алли. Пока она не объявится, нам остается только ждать.

– Спасибо. И прости, что я тут перед тобой распустила нюни. Митч недавно свел меня с каким-то психоаналитиком, который пытается помочь мне избавиться от резких перепадов

настроения, – неожиданно призналась Электра и добавила, поднимаясь с дивана: – Можно я тебя обниму?

– Сколько угодно.

На сей раз в свои объятия ее заключила я и крепко прижала к себе. Затем она достала из чемодана косметичку и направилась к двери, замешкавшись у порога.

– У меня страшно болит голова. Может, у тебя случайно завалилась таблеточка кодеина?

– К сожалению, нет. Но есть парацетамол.

– Нет, спасибо, не надо. Не беспокойся. – Электра слабо улыбнулась. – Тогда до завтра.

Я выключила свет в гостиной и пошла к себе в спальню. Если прохладная реакция Тигги на смерть отца удивила меня, то разговор с Электрой натолкнул на размышления. Было в ней что-то такое, что выдавало крайнюю степень отчаяния, и это серьезно волновало меня.

Когда я улеглась в кровать, которую Клавдия уже успела перестелить заново после вчерашней бессонной ночи, я вдруг подумала, что смерть отца может стать неким поворотным моментом для всех нас.

Когда на следующее утро я пришла к Марине, чтобы узнать, есть ли новости от Алли, все остальные сестры еще крепко спали.

– Ничего нового, – беспомощно ответила она.

– Папа бы знал, что делать. Он все знал.

– Это правда, – согласилась со мной Ма. – Ну, как там Электра?

– Шокирована, опустошена и очень-очень зла из-за того, что не смогла проститься с отцом. Но она держится, а это уже кое-что.

– Хорошо. Мне недавно звонил Георг Хофман, интересовался, сумели ли мы отыскать Алли. Я вынуждена была признаться, что пока нет. И что будем делать, Майя?

– Ничего. Просто запасемся терпением. Между прочим, Ма, – заметила я, заваривая чай, – вчера мне захотелось заглянуть в папин кабинет, но он оказался заперт. Интересно почему?

– Так попросил меня твой отец незадолго до своей кончины. И даже потребовал, чтобы я сию же минуту отдала ключ ему. Понятия не имею, куда он его положил потом. Если честно, потом все так закрутилось, что это совершенно вылетело у меня из головы.

– Но нам необходимо найти ключ. Уверена, Георг обязательно захочет попасть в кабинет. Папа хранил там все свои бумаги.

– Конечно-конечно. А сейчас, пока все твои сестры еще спят, пойду попрошу Клавдию, чтобы она приготовила нам легкий обед, ведь уже почти полдень.

– Отличная мысль. А я тем временем вернусь в Павильон. Посмотрю, не проснулась ли Электра.

– Хорошо, милая, – понимающе улыбнулась Марина. – Думаю, наше ожидание скоро закончится.

– И я на это надеюсь.

Я вышла из дома и направилась к себе, но тут среди деревьев увидела одинокую фигуру, сидевшую на пирсе. Это была Стар. Она отрешенно глядела на озеро. Я подошла к ней и осторожно тронула за плечо, чтобы не напугать.

– Стар, с тобой все в порядке?

– Все в порядке, – ответила она, слегка поежившись.

– Можно мне присесть рядом?

Стар едва заметно кивнула в ответ. Я опустилась рядом и, свесив ноги, стала слегка размахивать ими. Взглянув на Стар, увидела, что ее лицо залито слезами.

– А где Кики? – спросила я.

– Еще спит. Она всегда лечится сном, когда чем-то расстроена. А я, наоборот, не могу заснуть.

– И я тоже плохо спала, – призналась я.

– Майя, я просто не могу поверить, что его больше нет.

Я молча придвинулась к ней поближе, не решаясь сказать что-либо. Она редко открывалась кому-то, кроме Кики, и я боялась помешать ей.

– Я чувствую себя... – начала она после долгой паузы, – такой потерянной. Ведь я всегда знала, что папа – единственный человек на свете, который меня понимает полностью. Именно так: *полностью*.

Она повернулась ко мне: ее ангельское личико исказилось гримасой боли.

– Ты понимаешь меня, Майя? Да?

– Да, – медленно обронила я. – Думаю, я тебя понимаю. И пожалуйста, Стар, помни, если тебе вдруг захочется с кем-то поговорить по душам, я всегда рядом. Договорились?

– Да.

– А, вот вы где!

Мы обе инстинктивно подпрыгнули и обернулись. Навстречу нам торопилась Кики. Может быть, мне показалось, но в тот миг в прозрачно-голубых глазах Стар промелькнула легкая тень раздражения.

– Вот решила подышать свежим воздухом, пока ты спишь, – сказала Стар, поднимаясь.

– Ну теперь я уже проснулась. И Тигги тоже. А Электра приехала? Я заглянула к ней в комнату. Кровать не тронута. Такое впечатление, что в ней никто не спал.

– Электра спала у меня в Павильоне. Пойду посмотрю, может, она тоже встала.

Я поднялась с настила и проследовала за сестрами вверх по лужайке к дому.

– Представляю, какая у тебя выдалась ужасная ночь, Майя, – посочувствовала мне Кики. – Электра, как обычно, закатила истерику, да?

– Представь себе, Электра на сей раз вела себя относительно спокойно, – дипломатично ответила я, зная, что Кики и Электра всегда ладили с переменным успехом. Они были полными противоположностями: практичная Кики, не любящая выставлять свои чувства напоказ, и несдержанная, взрывная, почти буйная Электра.

– Думаю, надолго ее не хватит, – презрительно фыркнула Кики. – До скорого!

Я направилась в Павильон, размышляя по дороге о беспокойствах Стар. Хотя она ни словом не обмолвилась о своих взаимоотношениях с Кики, но интуитивно я догадалась, что проблемы есть. Войдя в дом, я услышала странные звуки, доносящиеся с кухни.

Электра, ослепительно прекрасная в своем изумрудно-зеленом пеньюаре, возилась у плиты с чайником.

– Как спалось? – спросила я у нее.

– Спала как убитая. У меня всегда крепкий сон, ты же знаешь. Чай будешь?

Я подозрительно оглядела пачку с чаем.

– Что за чай?

– Зеленый. «Вирджиния». В Калифорнии его все пьют. Митч говорит, он очень полезный.

– Ты же знаешь, я предпочитаю старый добрый английский чай, чрезмерно крепкий. Так что воздержусь.

– Дело твое, Майя. Но я бы не стала так уж заикливаться на чае. Есть новости от Алли? Я слово в слово пересказала ей все то, что недавно сообщила мне Марина.

– Я хорошо знаю, что терпение не входит в число моих добродетелей, о чем мне постоянно напоминает и мой психотерапевт. Но с другой стороны... Мы что, должны просто торчать здесь, пока не объявится Алли? А если у нее регата? Если она сейчас где-нибудь в открытом море? Тогда наше ожидание затянется на недели.

– Надеюсь, что нет, – постаралась я ободрить сестру, невольно любуясь ее грациозным порханием по кухне. Хотя меня всегда считали первой красавицей среди всех сестер, в глубине души я думала, что сей титул по праву принадлежит Электре. Она только встала с постели, а ее шелковистые кудри рассыпались по плечам шикарным каскадом, высокие скулы и пухлые губы украшали чистое, открытое лицо. Атлетически сложенная, но при этом женственная, Электра всегда напоминала мне царицу амазонок.

– Ну, и что у нас тут имеется? – спросила она, открывая холодильник и приступая к изучению его содержимого. – Есть что-то с минимальным содержанием добавок?

– Прости, дорогая. Но простые смертные, вроде меня, не вчитываются в мелкий текст на этикетках, – отшутилась я.

– Давай посмотрим правде в глаза, Майя. Когда ты торчишь днями напролет взаперти, то какая тебе разница, как ты выглядишь? Так?

– Так. Разницы нет никакой, – покорно согласилась я. В конце концов, Электра сказала чистую правду.

Наконец она остановила свой выбор на банане. Почистила его и откусила с несчастным видом.

– У меня через три дня большая фотосессия для «Вог». Надеюсь, мне не придется аннулировать этот контракт.

– Я тоже очень надеюсь. Но бог знает, когда отыщется наша Алли. Вчера ночью я гуглила в интернете расписание регат, проходящих в данный момент. Не нашла ничего. То есть мы даже не можем отправить сообщение организаторам регаты, чтобы те уже связались с ней. Кстати, все уже проснулось, так что можем пойти к остальным.

– Может позже, – равнодушно бросила в ответ Электра.

– Хорошо. Присоединяйся, когда захочешь, – сказала я, поднимаясь из-за стола. Я знала, что в таком настроении Электре лучше оставить одну. Я направилась в комнату, служившую мне кабинетом, села за стол и включила компьютер. В электронной почте меня поджидало довольно милое письмо от бразильского писателя Флориано Квинтеласа. Несколько месяцев назад я закончила перевод с португальского его красивого романа под названием «Молчаливый водопад». В процессе перевода я часто консультировалась с ним, когда билась над той или иной трудной фразой. Мне хотелось максимально сохранить в переводе авторский язык, особый, поэтически воздушный стиль писателя. С тех пор мы периодически обменивались электронными письмами.

В новом письме он сообщал о запланированном путешествии в Париж для рекламной кампании новой книги в июле и приглашал меня на вечеринку по случаю ее выпуска. Он также прикрепил к сообщению несколько начальных глав своей рукописи и попросил почитать, если выпадет свободная минутка.

Письмо Флориано согрело мне душу. Порой казалось, что переводческая работа – совершенно неблагодарный труд. А потому я всегда дорожила теми редкими моментами, когда автор хотел напрямую связаться со мной. Это помогало почувствовать себя нужной и важной.

Но тут мое внимание от компьютера отвлекла знакомая фигура, стремительно удалявшаяся от пристани по направлению к дому.

Я подпрыгнула на месте от неожиданности и пулей выскочила из-за стола.

– Алли! – крикнула я. – Электра! Алли приехала! – Я выбежала из дома, чтобы поздороваться с сестрой.

Судя по всему, остальные девочки тоже увидели Алли, и к тому моменту, как я подбежала к террасе Атлантиды, вокруг нее уже столпились Кики, Стар и Тигги.

– Майя! – воскликнула Алли, увидев меня. – Ужасно, просто ужасно!

– Да, ужасно. Но как ты узнала? Мы пытались связаться с тобой на протяжении двух дней.

– Пошли в дом, – предложила она, обращаясь ко всем. – Там и объясню.

Я пропустила сестер вперед, а они, в свою очередь, словно приклеились к Алли. Хотя я была старшей и в случае личных проблем каждая из девушек обращалась именно ко мне, но безусловным лидером нашей семьи была Алли. Она всегда брала на себя командование, а я и не возражала. Не стала возражать и теперь.

Марина встретила нас на нижних ступенях лестницы, раскрывая прибывшей сестре объятия. Как только они с Алли обнялись, Ма тут же приказала всем идти на кухню.

– Отличное предложение! – похвалила ее Алли. – Я просто умираю, хочу кофе. Добиралась домой целую вечность.

Клавдия поставила на стол большой кофейник, и в эту минуту в комнату неторопливо вплыла Электра. Все дружно приветствовали ее, разве что Кики ограничилась простым кивком головы.

– Итак, сейчас я расскажу вам, что со мной случилось, потому что, честно говоря, я все еще в замешательстве. – Все внимание за столом было приковано к Алли. – Ты тоже послушай, Ма, – обратилась она к Марине, которая продолжала хлопотать вокруг нас. – Может, у тебя найдется какое-то разумное объяснение?

Марина тут же присоединилась к нам.

– Ну вот! Я была в Эгейском море, готовилась к регате, которая должна состояться на следующей неделе на островах Киклады. А там один мой приятель, тоже из яхтсменов, уговорил меня отправиться на небольшую морскую прогулку на пару дней на его моторной яхте. Погода была фантастической, и было здорово отвлечься от всего на время, – заключила Алли и невесело улыбнулась.

– А чья это была яхта? – моментально поинтересовалась Электра.

– Я же говорю, одного моего приятеля, – довольно резко отреагировала Алли на вопрос сестры. Мы все лишь удивленно вскинули брови.

– А дальше вот что. Пару дней назад его товарищ по парусному спорту связался с ним по радиации и сообщил, что видел нашу яхту «Титан». Якобы она бросила якорь неподалеку от острова Делос. Мой приятель знает, что яхта принадлежит отцу. Вот мы и решили устроить ему небольшой сюрприз – нагрянуть с неожиданным визитом. Ходу до острова было не более часа. Мы тут же подняли якорь и отправились в путь.

Прежде чем продолжить свой рассказ, Алли отхлебнула немного кофе.

– Я уже видела «Титан» в бинокль, мы подошли еще ближе и просигналили Гансу, шкиперу яхты, чтобы он сообщил отцу о нашем прибытии. Но, – Алли тяжело вздохнула, – по непонятным мне на тот момент причинам ответа не последовало. Более того, мы увидели, что яхта стала стремительно удаляться от нас. Вначале мы попытались догнать лодку. Но куда там... Вы же знаете, папина лодка, если захочет, может летать по воздуху.

Все сестры буквально впились взглядами в Алли, ожидая продолжения ее интригующего рассказа.

– Мой телефон не ловил связь, и я только вчера сумела прочитать все ваши сообщения с просьбами перезвонить. И твою эсэмэску, Кики, я тоже прочитала, в ней ты открытым текстом сообщила мне, что случилось.

– Прости, Алли. – Кики смущенно опустила взгляд. – Но я решила не ходить вокруг да около. К тому же нужно было, чтобы ты как можно скорее вернулась домой.

– И вот я дома. А теперь объясните мне, пожалуйста, – взмолилась Алли, обращаясь к нам, – хоть кто-то из вас... Что происходит? И что делала папина лодка в Греции, когда его самого... уже нет в живых?

Все взгляды обратились ко мне. Алли тоже повернулась. Я постаралась пересказать все события в наиболее краткой форме, обращаясь к Марине за деталями истории. Лицо Алли сделалось белым как мел, когда я сообщила ей, где и как захотел упокоиться наш отец.

– О боже! – прошептала она. – Получается, что я стала невольным свидетелем его тайных похорон. Теперь я понимаю, почему «Титан» на такой скорости умчался от нас прочь. Я...

Алли в отчаянии обхватила голову руками, остальные сестры повставали со своих мест и собрались вокруг нее. Мы же с Мариной лишь обменялись сочувственными взглядами с противоположных концов стола. Наконец к Алли вернулось ее самообладание, и она извинилась за неожиданное проявление эмоций.

– Представляю, какой для тебя шок – узнать, что там происходило на самом деле, – сказала Тигги. – Мы все тебе очень сочувствуем, Алли.

– Спасибо, – кивнула в ответ сестра. – Теперь я вспоминаю, что однажды отец, когда мы гоняли с ним вместе на паруснике, сказал, что его заветное желание – быть похороненным в море. Так что все получилось, как он того хотел.

– За исключением того факта, что никого из нас не пригласили поучаствовать в церемонии прощания с ним, – немедленно вспыхнула Электра.

– Не пригласили, – согласилась с ней Алли, тяжело вздохнув. – И все же там оказалась я. Послушайте, вы не будете возражать, если на какое-то время я оставлю вас? Хочу немного побыть одна.

Мы дружно согласились и, подбадривая, отпустили Алли.

– Ей сейчас очень тяжело, – сказала Марина.

– Зато нам хотя бы приблизительно известно место, где решил упокоиться Па Солт, – подала голос Кики.

– Господи боже мой, Кики! Это действительно все, о чем ты можешь думать в такой момент? – воскликнула Электра.

– Простите, – тут же согласилась Кики с самым невозмутимым видом. – Но вы же знаете, какая я всегда практичная.

– А я рада тому, что сейчас мы точно *знаем*, где покоится наш отец, – возразила Тигги. – Мы прекрасно осведомлены о том, как он обожал Греческие острова, и в частности Киклады. Возможно, летом нам стоит взять папину яхту и отправиться на ней к тому месту, где Алли с помощью радара засекала наш «Титан». Опустим там в воду прощальный венок.

– Правильно! – поддержала сестру Стар. – Очень хорошая мысль, Тигги.

– Девочки, кто хочет полноценно подкрепиться за ланчем? – подала голос Марина.

– Я – нет, – тут же поспешила отрапортовать Электра. – Могу обойтись и одним салатом, если только в этом доме имеются свежие овощи и зелень.

– Не сомневаюсь, кое-что для тебя мы обязательно отыщем, – терпеливо пообещала ей Марина и дала знак Клавдии, чтобы та приступила к готовке. – А сейчас, поскольку Алли уже с нами, я звоню Георгу Хофману. Попрошу его приехать сюда как можно скорее.

– Верно! – обрадовалась Кики прежде, чем я успела открыть рот. – Нужно поскорее услышать от него все то, что хотел сообщить нам Па Солт.

– Как думаешь, Алли выдержит? – спросила Марина, обращаясь уже непосредственно ко мне. – Для нее все, что она узнала сегодня, стало настоящим шоком.

– Думаю, она, как и все мы, захочет побыстрее пройти через это, – ответила я. – А потому, Ма, смело звони Георгу.

6

За ланчем Алли так и не появилась. Мы не стали ее беспокоить. Понимали эту острую необходимость обдумать все случившееся.

Клавдия уже убирала со стола посуду, когда в кухню снова зашла Марина.

– Я только что говорила с Георгом, – объявила она. – Он пообещал приехать уже сегодня до захода солнца. Судя по всему, ваш отец дал четкие указания и касательно времени оглашения завещания.

– Отлично! Мне бы не помешал глоток свежего воздуха после плотного ланча, – сказала Кики. – Может, кто-то хочет прогуляться на катере по озеру?

Все сестры, желая сбежать от нарастающего напряжения, немедленно откликнулись на предложение Кики.

– Если не возражаете, без меня, – сказала я. – Надо же кому-то остаться рядом с Алли.

Когда все четверо в сопровождении Кристиана отправились на пристань, я сказала Марине, что пойду к себе в Павильон и что, если я понадобится Алли, пусть ищет меня там. Я свернулась калачиком на диване, придвинула к себе поближе ноутбук и приступила к чтению тех глав, которые прислал мне для ознакомления Флориано. Как и его первая книга, проза меня очень впечатлила. Богатый, изысканный язык и именно тот стиль повествования, который мне особенно нравился. События в романе происходили более сотни лет назад, место действия – окрестности водопада Игуасу, трогательная история о том, как юный африканец освобождается от оков рабства. Поглощенная чтением, я настолько расслабилась, что незаметно для себя задремала. Проснувшись я оттого, что кто-то громко звал меня по имени.

Я резко открыла глаза и увидела Алли.

– Прости, Майя. Кажется, я тебя разбудила, да?

– Ничего страшного. Немного вздремнула, – ответила я и почему-то вдруг почувствовала себя виноватой.

– Ма сказала, что девочки отправились на прогулку по озеру. Вот я и решила заглянуть к тебе, чтобы поговорить. Не возражаешь?

– Ничуть, – ответила я, пытаюсь полностью прийти в себя после незапланированного послеобеденного сна.

– Давай я сделаю нам по чашечке чая, – предложила мне Алли.

– Спасибо, не откажусь. Мне, пожалуйста, обычный английский чай.

– Помню-помню! – широко улыбнулась Алли, шутливо вскинув брови, и вышла из гостиной. Когда она вернулась с двумя чашками чая, я заметила, как у нее дрожали руки.

– Майя, мне надо кое-что тебе рассказать.

– Что именно?

Резким движением она поставила свою чашку на блюдце.

– Бог с ним, с чаем. А покрепче у тебя ничего не найдется?

– По-моему, в холодильнике есть немного белого вина.

Я пошла на кухню, достала из холодильника бутылку и взяла бокал. Зная, что Алли по жизни абсолютно равнодушна к спиртному, я поняла всю серьезность ее настроения.

– Спасибо! – коротко поблагодарила она, когда я протянула ей бокал с вином. – Может, это и ерунда, но когда мы прибыли на то место, где стояла яхта папы, то заметили еще одну яхту, стоящую на якоре.

– Ничего необычного, – совсем не удивилась я. – Конец июня... В это время все Средиземноморье забито отдыхающими под завязку.

– Да, но... это была лодка, которую и я, и мой друг узнали. Это был «Олимп».

Чашка с чаем застыла у меня в руке на полпути ко рту. Я со звоном вернула ее на блюдце.

– Ты наверняка уже знаешь, что стряслось на «Олимпе». Я прочитала обо всем в газете, пока летела сюда.

Алли замолчала, кусая губы.

– Да, я увидела по телевизору, в одной из новостных программ.

– Тебе не кажется странным, что папа выбрал именно это место для своего упокоения? И вероятно, почти одновременно с его погребением Криг Эсзу решил свести счеты с жизнью.

Конечно, я думала – по большому количеству причин, чем я могла озвучить Алли, – что это было нелепое, почти непристойное совпадение. Но что-то большее? Невозможно.

– Да, странно, – подтвердила я вслух, стараясь изо всех сил ничем не выдать охватившего меня волнения. – Но это простое совпадение, и никакой особой связи между этими событиями нет. Они даже не были знакомы друг с другом, не так ли?

– Насколько мне известно, не были, – подтвердила Алли. – А с другой стороны, что мы вообще знали о жизни нашего отца за пределами этого дома и его яхты? Мы встречались лишь с парой его друзей и партнеров по бизнесу. Кто знает, может, они и пересекались друг с другом когда-то в прошлом. В конце концов они оба были богатыми людьми, успешными бизнесменами.

– Нет, Алли. Думаю, это все же простое совпадение. Ведь ваша яхта тоже совершенно случайно оказалась в акватории Делоса. Это красивый остров. Неудивительно, что туда устремляется множество прогулочных яхт.

– Знаю-знаю... Но вот никак не могу отделаться от мысли, что папа покоится там сейчас на дне морском в полном одиночестве. А в тот момент я понятия не имела, что его больше нет в живых. Как подумаю, что он лежит где-то на дне, а сверху невероятно синее-синее море... Я...

Я поднялась со своего места, подошла к сестре и обняла ее.

– Алли! Выбрось ты из головы вторую яхту. Она тут ни при чем. А вот то обстоятельство, что ты волей случая оказалась в тех местах, которые отец выбрал для собственного захоронения, вот это меня сильно утешает. Тигги права. Летом нужно будет обязательно побывать там и опустить в море венок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.